

РАЙЧЕЛ
МИД

РАЗОБЛАЧЕНИЕ
СУККУБА

Райчел Мид
Разоблачение суккуба
Серия «Джорджина Кинкейд», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245415
Мид Р. Разоблачение суккуба : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59178-7
Оригинал: RichelleMead, "Succubus Revealed!"
Перевод:
Елена Бутенко

Аннотация

Джорджина живет самой обыкновенной жизнью, и тем не менее ее судьба лежит за гранью привычного нам существования. Дело в том, что основное место службы Джорджины в... Аду. Много столетий назад она заключила контракт на продажу своей бессмертной души. Тогда эта сделка казалась Джорджине весьма удачной. Откуда ей было знать, каково это – быть суккубом – демоном, обреченным вечно совращать нестойкие человеческие души? Впрочем, и в Аду есть надежда. И сколь бы виртуозно ни составлялись контракты, которые подписываются кровью, даже в них может закрасться спасительная ошибка!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Райчел Мид

Разоблачение суккуба

Мужчине моей мечты

Глава 1

Надевать платье из ткани, блестящей, как фольга, мне было не впервой. Но еще ни разу я не появлялась в подобном виде перед такой публикой – родителями с малолетними отпрысками.

– Виксен!

Голос Санты разнесся над праздничной толпой в торговом центре, и я заторопилась к дедуле со своего поста, где пасла группу детишек, одетых в комбинезоны от «Барберри». Нет, конечно, меня подзывал к себе не настоящий Санта-Клаус. Детину, который сидел в оплетенной ветвями падуба и украшенной лампочками беседке, звали Уолтер какой-то там, но он настаивал, чтобы мы, эльфы-помощники, всегда звали его Сантой. Нас же он окрестил именами оленей и семи гномов. Уолтер относился к работе весьма серьезно и утверждал, что имена помогают ему вживаться в образ. Стоило в этом усомниться, и он начинал потешать нас байками о своей головокружительной актерской карьере: мол, был исполнителем ролей в пьесах Шекспира, но, экая досада, состарился, вот и весь сказ. У нас же, эльфов, имелись свои соображения насчет того, почему сценическим успехам Уолтера пришел конец.

– Санте нужно выпить, – сообщил он театральным шепотом, как только я оказалась рядом. – Гремпи мне больше не наливает. – Уолтер кивнул в сторону женщины, облаченной в платье из зеленой фольги. Гремпи пыталась удержать рвавшегося к Санте малыша, пока мы с дедулей перешептывались. Я поймала ее отчаянный взгляд, посмотрела на свои часики и сказала:

– Ну, Санта, это потому, что с прошлого раза прошел всего час. Ты знаешь уговор: рюмка в кофе каждые три часа.

– Но мы договаривались неделю назад! – прошипел он. – Тогда еще не нахлынули эти толпы. Ты не представляешь, каково приходится Санте. – Уолтер нередко говорил о себе в третьем лице. Уж не знаю, считать ли это частью его актерского метода или просто причудой. – Девчонка только что попросила высокие баллы на ЕГЭ, чтобы поступить в Йель. Думаю, ей лет девять.

На мгновение мне стало жаль Санту. Торговый центр, где мы зарабатывали себе на отпуск, располагался в одном из самых дорогих пригородов Сиэтла, и запросы добрый дедушка получал соответственные – не какие-нибудь там футбольные мячи или лошадки. Многие детишки были одеты лучше меня (когда я не в костюме эльфа), а это нелегко.

– Прости, – сказала я. Хотя такова традиция, но иногда меня передергивает от мысли, что детей сажают на колени к подозрительному старикашке. Примешивать сюда алкоголь совсем ни к чему. – Сделка остается в силе.

– Санта этого больше не вынесет!

– Санте осталось четыре часа до конца смены, – напомнила я.

– Вот если бы здесь была Комет... – надувшись, произнес Уолтер. – Она была поговорчивей насчет выпивки.

– Да. Именно поэтому она сейчас пьет в одиночестве и вздыхает о потерянной работе. – Комет, эльф в отставке, не скупилась на рюмашки для Санты, да и себе не отказывала. Правда, весила она меньше дедули раза в два, поэтому не так стойко держала ликерный удар

и вылетела с работы после того, как охранники торгового центра застали ее срывающей с себя одежду в магазине «Шарпер имидж». Я отрывисто кивнула Гремпи. – Запускай.

Маленький мальчик кинулся вперед и забрался на колени к Санте. Тот держался молодцом: мгновенно вошел в образ и больше не донимал ни меня, ни ребенка нытьем о выпивке.

– Хо-хо-хо! И каковы же твои желания в эти праздничные зимние дни? – Уолтер даже придал своей речи легкий британский акцент; конечно, для роли это было необязательно, но безусловно придавало ему больше авторитета.

Мальчик явно трепетал перед Сантой.

– Я хочу, чтобы папа вернулся домой.

– Это твой отец? – спросил Санта, глядя на парочку, стоявшую рядом с Гремпи. Женщина – миловидная блондинка лет тридцати с лишком, – похоже, раньше времени сделала ботокс. А парень, которого она прямо-таки облепила своими телесами, едва ли закончил колледж. Я бы очень удивилась, узнав, что он старше.

– Нет, – ответил мальчуган. – Это Роджер, друг моей мамы.

Санта немного помолчал.

– Не хочешь ли ты чего-нибудь еще?

На этом я их оставила и вернулась на свой пост, в хвосте очереди. В отличие от Санты, моя смена заканчивалась меньше чем через час. У меня будет немного времени прошвырнуться по магазинам, пока не освободится от пробок дорога в город. Я числилась штатным сотрудником торгового центра, а посему мне полагалась хорошая скидка на покупки, отчего сносить пьяных Сант и платишки из фольги было куда легче. Больше всего в это самое счастливое время года меня прельщали огромные подарочные наборы парфюмерии и косметики. Они красовались в витринах всех магазинов. Содержимое одной из ярких коробок обретет пристанище на полочке в моей ванной. Непременно.

Мечтания о засахаренных фруктах и духах от Кристиан Диор прервал знакомый голос.

– Джорджина?

Я обернулась, и у меня упало сердце: на меня в упор смотрела коротко стриженная симпатичная женщина средних лет.

– Дженис, привет! Как дела?

На мою натянутую улыбку бывшая коллега ответила недоуменной.

– Прекрасно. Я... Я не ожидала увидеть тебя здесь.

А я мечтала, что ли, чтоб меня здесь видели, особенно старые сослуживцы? Ведь специально выбрала работу за городом.

– Ты же вроде живешь в Нортгейте? – Я старалась, чтобы мои слова не прозвучали как обвинение.

Дженис кивнула и положила руку на плечо маленькой черноволосой девочки.

– Да, но здесь живет моя сестра, и мы собираемся навестить ее после того, как Элис поговорит с Сантой.

– Понятно, – проямлила я, чувствуя себя убитой. Отлично. Дженис вернется в книжный магазин и кафе «Изумрудный город» и расскажет всем и каждому, что видела меня в костюме эльфа. Вряд ли от этого станет хуже. Там все и без того убеждены, что я вавилонская блудница. Потому-то я и уволилась несколько недель назад. Что значит костюм эльфа в сравнении с этим?

– А этот Санта хороший? – нетерпеливо спросила Элис. – Прошлогодний не принес мне того, что я просила.

Сквозь назойливое жужжание толпы я едва расслышала слова Уолтера:

– Ну, Джессика, процентные ставки не во власти Санты.

Я повернулась к Элис и сказала:

– Все зависит от того, чего ты хочешь.

– Как ты здесь оказалась? – спросила Дженис, слегка нахмурившись.

В ее словах звучала озабоченность; пожалуй, это лучше, чем злорадство. У меня было чувство, что в нашем книжном магазине найдется немало людей, которым приятно было бы представить меня страдающей – не из-за того, что эта работа так уж плоха.

– Конечно, это только на время, – объяснила я. – По крайней мере, есть чем заняться, пока ищу другую работу, к тому же у меня тут скидки. И вообще, это всего лишь еще один способ обслуживания покупателей. – Я очень старалась, чтобы у Дженис не возникло подозрения, будто я закрываюсь от нее и пытаюсь скрыть отчаяние. Однако с каждым произнесенным словом тоска по старой работе охватывала меня все сильнее.

– Ну, ладно, – Дженис вроде слегка успокоилась. – Уверена, ты скоро что-нибудь себе подыщешь. Похоже, очередь движается.

– Подожди, Дженис. – Я схватила ее за руку, пока она не ушла. – Как... дела у Дога?

В «Изумрудном городе» я оставила очень многое: руководящий пост, теплую атмосферу, читов и кофе без ограничений... Да, я жалела об утрате всего этого, но гораздо больше я скучала по одному человеку – моему другу Догу Сато. Я больше не могла работать с ним вместе. Ужасно видеть, как человек, которого ты так любишь, смотрит на тебя разочарованным взглядом и даже не скрывает презрения. Я должна была уйти, и думаю, это правильный шаг. Но как все-таки тяжело потерять человека, который был частью моей жизни целых пять лет.

На лице Дженис снова заиграла улыбка. Дог производил на людей именно такое действие.

– О, ты сама знаешь. Это ведь Дог, все тот же чудак Дог. Его джаз-банд набирает обороты. И, вероятно, Дог займет твое место. Эх, твоя работа... Тебе ищут замену. – Дженис перестала улыбаться, как будто вдруг поняла, что невольно причинила мне боль. Но нет, меня это не задело, разве что чуть-чуть.

– Вот и отлично, – сказала я. – Очень за него рада.

– Дженис кивнула и попрощалась со мной, а потом продвинулась вперед вместе с очередью. Следом за ней стояла семейка из четырех человек, они все что-то усиленно набирали на одинаковых мобильниках, как вдруг разом остановились и посмотрели на меня изучающими взглядами. После чего так же дружно склонили головы, чтобы оповестить всех своих друзей в Твиттере о мельчайших подробностях их праздничных «приключений».

Я натянула на лицо милую улыбку и продолжила развлекать «очередников», пока не появился мой сменщик Снизи. Проинструктировав его относительно распорядка возлияний Санты, я с удовольствием оставила праздничную кутерьму ради тишины служебных помещений торгового центра. В ванной комнате я стянула с себя серебристое платье и сменила его на комплект, подобранный со вкусом, – джинсы и свитер. Свитер я даже специально перекрасила в голубой цвет, чтобы подходил идеально. Работа в выходной для меня закончилась.

Я шла по торговому центру и отмечала про себя, что никогда не перестаю заниматься своей основной работой: служить суккубом в Аду. Столетиями я развращала и искушала людские души и в результате обрела шестое чувство, которое позволяло мне выделять из толпы тех, кто легче всего поддастся моим чарам. Праздники в этом смысле время особое: всеобщее воодушевление выявляет и темные стороны человеческой натуры. Повсюду я замечала бессильные, но отчаянные потуги: одни стремились во что бы то ни стало раздобыть самые лучшие подарки, чтобы завоевать расположение тех, по ком сохнут. Другие испытывали разочарование от неспособности удовлетворить все желания своих любимых; третьи обреченно таскались по магазинам в надежде устроить сногшибательный праздник, хотя на самом деле не испытывали к этому ни малейшего интереса... Да, повсюду одно и то же; этого нельзя не заметить, если вы знаете, как разыскать эту печаль и досаду посреди всеобщего веселья. Все эти несчастные души были готовы сбиться с пути. Если бы хотела,

я могла бы сегодня подцепить сколько угодно парней и недельная квота была бы выбрана, однако сейчас меня это не заботило.

Краткий разговор с Дженис привел меня в легкое смятение; я не смогла собраться с силами и подкатиться с разговором к одному весьма недовольному на вид субъекту – бизнесмену из пригорода. Вместо этого я нашла утешение в покупке всего подряд для себя любимой и даже приобрела несколько необходимых подарков кое-кому из знакомых, чем доказала самой себе, что не беспросветно эгоистична. Покидая торговый центр, я уже была уверена, что пробки на дороге рассосались и я смогу без проблем вернуться в город. В центральном зале слышалось раскатистое «хо-хо-хо!» Санты; я увидела, как дедуля энергично размахивает руками перед носом сидящего у него на коленях испуганного малыша. Видимо, кто-то сломался и нарушил распорядок возлияний Санты.

По пути домой я увидела на мобильнике три голосовых сообщения, и все от моего друга Питера. Только хотела их прослушать, как зазвонил телефон.

– Алло.

– Ты где? – нетерпеливый голос Питера заполнил тесный салон моего «Пассата».

– В машине. А ты где?

– Дома. Где же еще? Все уже собрались!

– Все? О чем ты?

– Ты что, забыла? Черт возьми, Джорджина. Ты отличалась большей пунктуальностью, пока была несчастна и одинока.

Я проигнорировала насмешку и быстро прокрутила в голове календарь. Питер был одним из моих лучших друзей, а кроме того – невротиком, вампиром, помешанным на вечеринках и званных обедах. Он устраивал что-нибудь в этом роде как минимум раз в неделю. Поводы всегда находились разные, так что запутаться было нетрудно.

– Сегодня Ночь фондю, – наконец произнесла я, гордясь своей памятью.

– Именно! Сыр остывает, и сам я, знаешь ли, сделан не из стерно.

– Почему бы вам просто не начать есть?

– Потому что мы культурные люди.

– С этим можно поспорить. – Я колебалась, хочется мне идти к ним или нет. Конечно, я предпочла бы поехать домой и уютно устроиться рядом с Сетом, но он, скорее всего, будет работать. Так что тесное общение придется отложить, тогда как Питера я могла ублажить прямо сейчас. – Ладно. Начинайте без меня, скоро буду. Я уже съезжаю с моста. – С тоской в душе я промчалась мимо поворота, который привёл бы меня к Сету, и направила машину в сторону дома Питера.

– Ты не забудешь привезти вина? – напомнил вампир.

– Питер, минуту назад я не помнила, что должна быть у тебя. Тебе правда нужно вино? – Мне случалось видеть бар Питера. В любой день в нем стояло по дюжине бутылок красного и белого, отечественного и импортного вина.

– Я не хочу остаться совсем без запасов, – сказал он.

– Очень сомневаюсь, что тебе это грозит... Постой-ка. Картер там?

– Да.

– Тогда понятно. Я привезу вина.

Через десять минут я была у Питера. Дверь мне открыл, широко улыбаясь, Коди – приятель и ученик Питера; они вместе снимали квартиру. Меня окатило волной света, музыки и запаха фондю с приправами. Беседка Санты в сравнении с этим жилищем выглядела убогой лачугой. Тут украшениями, причем не только рождественскими, был заполнен каждый квадратный сантиметр пространства.

– С каких это пор вы, ребята, обзавелись менорами? – спросила я у Коди. – Вроде среди вас нет евреев.

– Но мы и не христиане, – заметил он, провожая меня в гостиную. – В этом году Питер склоняется к мультикультурализму. Комната для гостей украшена в стиле Кванза – настоящая пошлость специально для тех, кто падок на дешевую ночную развлекуху.

– Это не пошлость! – Питер встал из-за стола, за которым вокруг двух чаш с расплавленным сыром собралась компания моих бессмертных друзей. – Не могу поверить, что ты настолько равнодушен к религиозным чувствам других людей. Боже правый! Это что, вино в коробках?

– Ты сказал, что хочешь вина, – напомнила я Питеру.

– Я хотел хорошего вина. Пожалуйста, скажи мне, что это не позорно.

– Конечно, это позорно. Но ты не просил принести хорошего вина. Ты сказал, что боишься, как бы Картер не вылакал все твое дорогое вино. Вот я и принесла для него это. Твое вино в безопасности.

При упоминании своего имени Картер – единственное небесное создание в этой комнате – поднял взгляд.

– Очень мило, – сказал он и взял у меня коробку с вином, – получить посылку из рук доброго помощника Санты. – Картер вскрыл упаковку и выжидательно посмотрел на Питера. – У тебя есть соломинка?

Я села рядом со своим боссом Джеромом, который с большим удовольствием макал кусочек хлеба в расплавленный чеддер. Он был главным демоном Сиэтла, но для нисхождения на землю выбрал облик Джона Кьюсака образца 1990 года. Иногда это помогало забыть о его адской сущности. К счастью, серозная натура Джерома всегда выпирала наружу, стоило ему раскрыть рот.

– Ты здесь меньше минуты, Джорджина, а вечеринка уже стала вполтину хуже.

– Вы, ребята, лопали фондю во вторник вечером, – парировала я, – и прекрасно справились без меня.

Питер сел и старался казаться спокойным.

– Фондю первоклассное. Все дело в подаче. Эй! Где ты это взял?

Картер поставил коробку с вином на колени дозатором кверху и пил через толстенную соломинку, которая, как я полагаю, материализовалась из тонкого мира.

– По крайней мере, он не проделывает это с бутылкой «Пино нуар», – примирительно сказала я Питеру, дотянулась до вилки для фондю и наколола на нее кусочек яблока. С другой стороны от Джерома сидел Хью. Он деловито тыкал кнопки на панели своего мобильного, чем напомнил мне семейство из торгового центра.

– Оповещаешь мир об этой убогой вечеринке? – съязвила я. – Хью был мелкий бес, вроде адского мальчика на побегушках. Не удивлюсь, если он умудрялся покупать и продавать души с помощью телефона.

– Конечно, – отозвался Хью, не отрывая взгляда от экрана. – Я обновляю Фейсбук. Ты не знаешь, почему Роман не реагирует на мой запрос добавить в друзья?

– Понятия не имею, – сказала я. – Я с ним не говорила уже несколько дней.

– Когда я разговаривал с ним, он сказал, что сегодня вечером будет работать, – объяснил Питер, – но мы должны продолжать и вытянуть за него.

– Вытянуть? – с тревогой переспросила я. – О боже. Неужели это еще и Ночь вытягиваний?

Питер устало вздохнул.

– Вытягивать за Секретных Сант. Ты когда-нибудь читаешь письма, которые я тебе шлю?

– Секретные Санты? Кажется, мы такое уже делали, – сказала я.

– Да, в прошлом году, – добавил Питер. – Мы делаем это на каждое Рождество.

Я посмотрела на Картера, который молча попивал вино.

– Ты посеял мою шляпу? Она тебе не помешала бы.

Светлые, длиной до подбородка волосы ангела были растрепаны больше обычного.

– Скажи нам, о чем ты на самом деле думаешь, – ответил он и провел рукой по своей шевелюре, отчего стало только хуже. – Я берегу твой подарок для особого случая.

– Если я снова вытащу твоё имя, то куплю тебе две шляпы, чтобы ты себя не ограничивал.

– Мне бы не хотелось создавать тебе проблемы.

– Никаких проблем. У меня скидка в торговом центре.

Джером вздохнул и отложил вилку.

– Ты всё ещё занимаешься этим, Джорджи? Разве я мало страдал, чтобы теперь терпеть унижение из-за суккуба, который подрабатывает по ночам рождественским эльфом?

– Ты сам говорил, что мне надо бросить книжный магазин и найти другое занятие, – напомнила я боссу.

– Да, но я же рассчитывал, что ты займешься чем-нибудь приличным, например станешь стриптизершей или заделаешься любовницей мэра.

– Это только временно. – Я протянула Картеру изящный хрустальный бокал, который стоял рядом с моей тарелкой. Картер наполнил его вином из коробки и вернул мне. Питер застонал и пробормотал что-то об осквернении вещей от Тиффани.

– Джорджину больше не интересуют материальные вещи, – с издевкой сказал Коди. – Она теперь принимает оплату любовью.

Джером смерил юного вампира холодным взглядом.

– Никогда больше не произноси таких слащавых мерзостей.

– Кто бы говорил, – сказала я Коди, не в силах скрыть улыбку. – Удивляюсь, как это тебе удалось сегодня отлепиться от Габриэллы.

При упоминании имени возлюбленной лицо Коди приобрело мечтательное выражение.

– Вот в чём между нами разница, – заметил Питер и горько покачал головой. – В вас живет совершенная любовь.

– Едва ли совершенная, – сказала я, и одновременно со мной Коди произнес:

– Она совершенна.

Все взгляды обратились на меня. Хью даже оторвался от своего телефона.

– В раю проблемы?

– Почему ты всегда сводишь всё к одному и тому же? Нет, конечно нет. – Я усмехнулась, ненавидя себя за то, что сплеховала. – С Сетом у нас полный порядок, просто фантастика.

Так всё и было. Стоило мне произнести его имя, и по телу прокатилась волна блаженства. Сет. Сет придавал смысл моему существованию. Когда мы с ним сошлись, произошел разрыв между мной и бывшими коллегами по книжному магазину. Они считали, будто Сет расстался с сестрой Дога из-за меня. Полагаю, так оно и было. И неважно, как сильно я любила эту работу; её потеря – очень маленькая цена за возможность быть с Сетом. Я была согласна служить эльфом, могла вынести ограничения, которые мы наложили на сексуальные отношения, чтобы мои суккубские силы не иссушили его. С ним я была способна справиться с чем угодно, даже с грядущим проклятием.

И всё же в наших с Сетом отношениях была парочка мелких шероховатостей. Именно это заставило меня сделать паузу. Одна из этих заноз покалывала меня изнутри уже давненько, другую я старалась не замечать. Но сейчас на меня взирали бессмертные друзья-приятели, и я вдруг набралась храбрости – решилась, наконец, разобраться с этими проблемами.

– Просто... Не думаю, что кто-нибудь из вас сообщил Сету моё имя. Ведь нет? – Питер от удивления аж рот раскрыл, и я поспешила уточнить: – Моё настоящее имя.

– Чего это тебе вдруг в голову взбрело? – с облегчением в голосе спросил Хью и вернулся к своим кнопкам.

– Я вообще не знаю твоего настоящего имени, – заявил Коди. – Разве тебя зовут не Джорджина?

Я уже пожалела о сказанном. Какие глупые переживания! Реакция моих приятелей только подтверждала это.

– Ты что, не хочешь, чтобы он знал твоё имя? – спросил Хью.

– Да нет же... нет. Я только, ну... Просто это странно. С месяц назад в полусне он назвал меня настоящим именем. Лета, – добавила я, к радости Коди. Мне удалось произнести это имя без запинки, хотя оно мне не слишком нравилось. Я отказалась от него много столетий назад, когда стала суккубом, и с тех пор брала вымышленные имена. Отрекшись от своего первого имени, я перечеркивала прежнюю жизнь. Как же я хотела стереть всякое воспоминание о том, что продала душу взамен на забвение: каждый, кого я знала, забывал о моем существовании. Вот почему тот разговор с Сетом месяц назад оглушил меня, как внезапный удар из-за угла. Сет не мог знать то мое первое имя.

«Ты целый мир, Лета...» – пробормотал он сквозь сон.

Сам Сет не помнил этих слов, не говоря уж о том, чтобы объяснить, где слышал такое. «Не знаю, – только и ответил он, когда я стала приставать к нему с расспросами. – Наверное, это греческие мифы. Река Лета, в которой мертвецы смывают воспоминания... чтобы забыть о прошлом...»

– Отличное имя, – сказал Коди.

Я неуверенно пожала плечами.

– Все дело в том, что я никогда не называла его Сету. Но он откуда-то узнал. Хотя и не мог вспомнить, где его услышал.

– Он должен был услышать его от тебя, – заметил Хью, рассудительный, как обычно.

– Я никогда ему не говорила. Такое я не забыла бы.

– Тут болтается столько всяких бессмертных. Кто-то из них точно проболтался. А Сет услышал. – Питер нахмурился. – У тебя нет какой-нибудь награды с твоим именем? Он не мог ее увидеть?

– Знаешь ли, у меня нет привычки раскладывать повсюду свои дипломы «Лучшему суккубу», – заметила я.

– А следовало бы, – вставил Хью.

Я присмотрелась к Картеру.

– Что это ты притих?

Картер оторвался от коробки с вином.

– Я занят.

– Это ты сказал Сету моё имя? Ты раньше звал меня Летой.

Хоть Картер и был ангелом, но имел какое-то странное пристрастие к нам, пропадавшим душам. И, как первоклассник, иногда впадал в заблуждение, что дразнить нас – это лучший способ выразить привязанность. Один из его приемов – называть меня Летой и прочими детскими именами. Он прекрасно знал, что я это ненавижу.

Картер покачал головой.

– Жаль, что не оправдал твоего доверия, о дочь Лилит, но я никогда не говорил ему.

– Тогда откуда Сет узнал? – не отступалась я. – Откуда ему известно имя? Кто-то сказал ему.

Джером издал громкий вздох.

– Джорджи, этот разговор еще нелепее, чем предыдущий – о твоей работе. Ты сама знаешь ответ: либо ты, либо кто-то другой проболтался. В чем тут трагедия? Ты что, ищешь повод пострадать?

В его словах был смысл. Честно признаться, я сама не понимала, почему эти мысли меня так долго и так сильно донимают. Они все правы. Тут не было ничего загадочного,

ничего потрясающего основы бытия. Сет где-то услышал мое имя. Конец истории. Нечего метаться и предполагать худшее. Но тоненький, надоедливый голосок все подскуливал внутри и не позволял мне забыть о той ночи.

– Просто это странно, – неохотно уступила я.

Джером выкатил глаза.

– Если тебе больше не о чем беспокоиться, я что-нибудь подкину.

Мысли о Сете и именах немедленно вылетели у меня из головы. Все сидевшие за столом (кроме Картера, который продолжал хлюпать остатками вина в коробке) замерли и уставились на Джерома. Когда босс заявляет, что у тебя будут причины для беспокойства, хорошего не жди, может статься, грядет нечто страшное. Хью, видно, тоже испугало заявление Джерома, а это дурной знак. Обычно бес узнавал о новых распоряжениях Ада раньше босса.

– В чем дело? – спросила я.

– Намедни я выпивал с Нанетт, – прорычал Джером. – Нанетт – это главная демонесса Портленда. – Хватило бы и того, что она напомнила мне о вызове в суд. Так нет же. Она наболтала мне всякого о том, что, мол, ее люди более компетентны, чем мои.

Я окинула быстрым взглядом своих друзей. Мы все не были образцовыми служащими Ада, так что Нанетт во многом была права. Но, разумеется, ни один из нас не решился бы сказать такое Джерому.

– Так вот, – продолжил наш предводитель, – когда я ей возразил, она сказала: нам надо поднапрячься, чтобы доказать, что мы вполне подходим под определение «главных адских мелких сошек».

– Как? – спросил Хью с легкой заинтересованностью. – Парадом заложенных душ?

– Не будь смешным, – оборвал его Джером.

– Тогда как? – повторила вопрос я.

Босс молча улыбнулся.

– Игрой в боулинг.

Глава 2

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять: за каких-то тридцать секунд разговор переключился с обсуждения трагической загадки моей любви на игру в боулинг, которая даст демонам право бахвалиться друг перед другом. Что ж, такое нередко случается в моем мире.

– А под «нами», – добавил Джером, – я подразумеваю вас четверых. – Он кивнул в сторону Питера, Коди, Хью и меня.

– Прошу прощения, – сказала я. – Хотелось бы уточнить, правильно ли я поняла: ты вписал нас в какой-то турнир по боулингу, а сам принимать в нем участия не собираешься. И это каким-то образом должно доказать злонамеренность твоих подчиненных по отношению к миру?

– Не говори глупостей. Я не могу в этом участвовать. В боулинг играют по четыре человека. – Комментариев по поводу той части вопроса, где упоминалась злонамеренность, не последовало.

– Отлично, без колебаний уступаю тебе свое место, – заявила я. – Я не слишком хороший игрок в боулинг.

– Придется им стать, – холодно ответил Джером. – И вам всем тоже, если вы соображаете, в чем для вас польза. Если продуете, на следующем общем собрании Нанетт нас смешает с грязью.

– Классно, Джером. Я люблю боулинг, – вступил в разговор Картер. – Почему ты мне раньше не сказал?

Джером и Картер скрестили взгляды, прошло несколько тяжелых мгновений.

– Потому что, если ты не готов взять на себя ответственность за команду, ты не можешь с нами играть.

Картер весело улыбнулся, серые глаза сверкнули.

– Понимаю.

– Мне не очень нравится, как ты произносишь это «с нами», когда сам ни в чем не собираешься участвовать, – сказала я Джерому, имитируя его начальнический тон.

Питер издал страдальческий вздох.

– И где, скажите, я найду стильные туфли для боулинга?

– А как будет называться наша команда? – спросил Коди.

Со всех сторон посыпались предложения, одно другого ужаснее: «Бездушные в Сиэтле», «Раскол мнений» и прочее. Через час мое терпение истощилось.

– Пойду-ка, пожалуй, домой, – сказала я, поднимаясь. Я бы не отказалась от десерта, но боялась, что, если останусь дольше, меня потащат играть в крикет или пляжный волейбол. – Я принесла вино и больше вам не нужна, ребята.

– Будешь дома, скажи моему норовистому отпрыску, что он должен потренировать команду, – распорядился Джером.

– Домом я называю квартиру Сета, – пояснила я. – Но если увижу Романа, сообщу, что ты нашел достойное применение его мощным космическим силам. – Роман – наполовину человек, сын Джерома и приятель, с которым мы вместе снимали жилье, – на самом деле отлично играл в боулинг, но мне не хотелось доставлять удовольствие Джерому.

– погоди! – Питер подскочил с места. – Ты еще не вытащила бумажку за Секретного Санту.

– Ой, да ладно...

– Без стонов, – отрезал Питер и торопливо пошел на кухню. Оттуда он вернулся с керамической банкой от печенья в форме снеговика и ткнул ею в меня. – Тащи. Чье имя вытянешь, тому и покупаешь, и не пытайся отвертеться.

Я вынула из банки листочек бумаги и развернула его. Джорджина.

– Я не могу...

Питер поднял руку, чтобы я замолчала.

– Ты вытащила имя. Все решено, и не спорь.

Строгий взгляд Питера исключал всякие возражения.

– Ладно, по крайней мере, у меня есть несколько идей, – прагматично заметила я.

Спасибо Питеру, он отправил меня домой, снабдив соусом для шоколадного фондю и мисочкой «Tupperware» с фруктами и маршмэллоу. Хью и Коди обсуждали дальнейшие планы команды по боулингу – пытались составить расписание тренировок. Джером и Картер говорили мало, а вместо этого предавались обычному занятию – буравили друг друга испытующими и понимающими взглядами. На их лицах ничего нельзя было прочесть, только однажды по физиономии Джерома пробежало волной выражение превосходства.

Я покинула Капитолийский холм и направилась в район Сиэтлского университета, к жилищу Сета. Все окна были темны, и я невольно улыбнулась. Уже почти одиннадцать. Сет называл это время ранней ночью, на чем я сама иногда настаивала. При воспоминании об этом улыбка сошла с моего лица так же внезапно, как и появилась. Несколько месяцев назад у Андреа, невестки Сета, обнаружили рак яичников. Заболевание было уже в достаточно запущенной стадии, и, хотя ее почти сразу стали лечить, результаты не были многообещающими. К тому же она переносила терапию очень тяжело, и это стало для семьи суровым испытанием на прочность. Сет часто помогал родным, особенно когда его брат Терри был на работе. Андреа теперь было трудно заботиться о пяти дочерях. Сет жертвовал ради семьи сном и писательской карьерой.

Я знала: это необходимо. Родных Сета я любила и тоже оказывала им помощь. Но как же больно было видеть Сета настолько вымотанным и знать, что он откладывает работу до лучших времен и страдает от этого. Сет говорил: мол, писательство на данный момент не самая главная проблема, сроки еще не поджимают, ведь две его последние книги поставлены в очередь и будут изданы в следующем году. С этим я спорить не стала. Но вот вопрос со сном? Тут уж я на него надела и сегодняшним вечером убедилась: мои слова не пропали даром.

Я достала ключ, вошла и стала пробираться по квартире, стараясь не шуметь. В последнее время я почти постоянно жила здесь, и найти путь в спальню, не наткнувшись на мебель, особого труда не составило. В свете будильника мягко вырисовывались очертания фигуры Сета, завернувшегося в одеяло. Его едва можно было различить. Я тихонько разделась и накинула короткую распахнутую ночнушку на бретельках. Сексуально, но не слишком откровенно. Сегодня я хотела просто лечь спать рядом с Сетом.

Я скользнула под одеяло, прижалась к его спине и закинула на него руку. Сет пошевелился, я не удержалась и поцеловала его голое плечо. Он стал поворачиваться на спину, и меня обдало запахом корицы и мускуса. Хотя я строго сказала самой себе: «Сету необходимо поспать», – все равно тихонько пробежалась пальцами по его руке и украдкой еще разок прикоснулась к его телу губами.

– М-м-м, – простонал он, переворачиваясь ко мне. – Как приятно.

Меня как громом поразило, в голове сверкнуло сразу несколько мыслей. Во-первых, Сет не пользовался одеколоном или кремом после бритья, который пах бы корицей. Во-вторых, у Сета другой голос. В-третьих, возможно, это самое важное, со мной в кровати был не Сет!

Я не собиралась орать так громко, само собой вышло.

Пулей вылетев из постели, я кинулась к выключателю на стене, пока незваный гость выпутывался из одеяла и пытался встать. Дело кончилось тем, что он свалился с кровати с громким глухим стуком. Тут я как раз нащупала клавишу и стала быстро озираться в поисках оружия, но в спальне Сета выбор чего-нибудь подходящего был невелик. Самым тяжелым и грозным на вид оказался здоровенный словарь – обтянутый кожей монстр; только до него я могла дотянуться. Сет держал словарь под рукой, потому что «не доверял Интернету».

Я стояла на изготовку: как только вторженец встанет на ноги, его ждет тяжелый швырок. И вот незваный гость наконец справился со своими нижними конечностями и обрел равновесие, а я получила возможность рассмотреть его. Невероятно! Он выглядел... знакомым. Он был очень похож на Сета.

– Ты кто? – выпалила я.

– Это ты кто? – закричал в ответ незнакомец. Вид его больше всего выражал испуг. Едва ли он так уж сильно опасался невысокой женщины, вооруженной словарем.

Не успела я ответить, как почувствовала прикосновение к своей руке. Я взвизгнула и инстинктивно швырнула в незнакомца словарь. Парень увернулся, и том хлопнулся об стену, не причинив никому вреда. Я резко обернулась, чтобы посмотреть, кто это до меня дотронулся, и уперлась взглядом в глаза седовласой женщины, они сверкали яростью за стеклами очков – золотая оправа в форме кошачьих глаз. На женщине были штаны от пижамы в цветочек и розовая толстовка с кроссвордом на груди. В руках незнакомка вращала бейсбольную биту. Ничего себе! Бита поопаснее словаря будет, и вообще откуда в квартире Сета подобные вещи?

– Чего тебе тут надо? – завопила бейсболистка и глянула на голого по пояс обалдевшего парня. – С тобой все в порядке?

Каких-то полсекунды меня забавляла мысль, что я действительно попала в чужую квартиру. Ну, может, оказалась выше этажом. Сцена разыгралась донельзя нелепая; проще всего ситуацию могло объяснить предположение, будто кто-то что-то перепутал. Только мои ключи и Сетов медвежонок в футболке Чикагского университета, который наблюдал за спектаклем, оставались очевидными свидетельствами в пользу того, что я нахожусь там, где и должна быть.

Вдруг открылась и со стуком захлопнулась входная дверь. Звук разнесся по всей квартире.

– Привет, – послышался знакомый голос.

– Сет! – воскликнули мы в унисон.

Через мгновение в дверях появился Сет. Выглядел он, как обычно, восхитительно: рыжевато-каштановые волосы романтично растрепаны, торс обтянут футболкой с надписью «Грязные танцы», которую я раньше никогда не видела. Несмотря на охватившее меня смятение, я сохранила остатки рассудительности, и от меня не укрылись следы утомления на лице Сета: темные круги под глазами и морщинки, какие появляются от усталости. Ему было тридцать шесть, и обычно он выглядел моложе своего возраста, но не сегодня.

– Сет, – сказала обладательница биты. – Эта леди вломилась в твой дом.

Сет обвел нас взглядом и наконец остановился на женщине в пижаме.

– Мам, – тихо сказал он, – это моя девушка. – Пожалуйста, не наезжай на нее.

– С каких это пор ты обзавелся девушкой? – спросил парень.

– Откуда у тебя взялась бейсбольная бита? – спросила я, когда ко мне вернулось самообладание.

Сет искоса взглянул на меня и попытался мягко забрать биту из рук матери. Она не давалась.

– Джорджина, это моя мама, Маргарет Мортенсен. А это мой брат Ян. А это, ребята, Джорджина.

– Привет, – сказала я, чувствуя некоторое удивление. Я была наслышана о матери и младшем брате Сета, но не рассчитывала встретиться с ними так скоро. Мать Сета не любила летать, а Ян... Судя по рассказам Сета и Терри, его вообще было трудно найти. Он слыл заблудшей овцой среди братьев Мортенсенов.

Маргарет отставила в сторону битую и вежливо, но с недоверием улыбнулась.

– Очень приятно с вами познакомиться.

– Аналогично, – бросил Ян. Теперь я поняла, почему он показался мне знакомым. Возможно, я где-то видела его фотографию, но кроме того, он был чем-то похож на Сета и на Терри. Высокий, как Сет, и с узким, как у Терри, лицом. Волосы у Яна тоже были каштановые, правда, совсем без медного отлива, зато так же небрежно растрепанные, как у Сета. Приглядевшись внимательнее, я пришла к выводу, что Ян был причесан так намеренно и на укладку ушло немало времени и специальных средств.

Вдруг до Сета дошло, что случилось между мной и Яном. Ему даже не надо было рта раскрывать, чтобы я поняла, какой вопрос вертелся у него на языке. Или, может быть, вопросы. Моя ночнушка и голый торс Яна, несомненно, возбудили много предположений.

Ян незамедлительно принял защитную стойку.

– Она залезла ко мне в постель.

– Я думала, он – это ты, – сказала я.

Мать Сета издала какой-то странный звук, будто поперхнулась.

– Ты же должен был спать на диване, – тоном обвинителя изрек Сет.

Ян пожал плечами.

– Там неудобно. К тому же тебя не было дома, и я решил, что ничего страшного не случится. Откуда мне было знать, что явится какая-то тетка и начнет колотить меня спящего.

– Я тебя не колотила! – Меня распирало от возмущения.

Сет потер глаза, и это снова напомнило мне о его крайней усталости.

– Ладно, что сделано, то сделано. Давайте-ка разойдемся по своим постелям, где нам всем положено быть, а утром познакомимся поближе, идет?

Маргарет вперила в меня взгляд.

– Она будет спать здесь? С тобой?

– Да, мама, – терпеливо ответил Сет, – со мной. Потому что я взрослый мужчина. И это мой дом. А еще потому, что мне тридцать шесть и это не первая женщина, которая остается со мной на ночь.

Мама выглядела ошеломленной, и я попыталась переключиться на более безобидную тему.

– У вас отличная рубашка. – Сейчас, когда мать Сета больше не угрожала мне битой, я разглядела, что в кроссворд были вписаны имена пяти ее внуков. – Я люблю этих девчушек.

– Благодарю вас, – сказала Маргарет. – Каждая из них – это благословение, дарованное священными узами брака.

Не успела я сообразить, что ответить, как Ян застонал:

– О боже, мама. Я же говорил тебе ничего не заказывать с этого сайта. Ты ведь знаешь: все, что они продают, сделано в Китае. У меня есть одна знакомая, она могла бы сшить для тебя такую вещь из экологичного материала.

– Конопля – это наркотик, а не ткань, – ответила Маргарет.

– Всем спокойной ночи, – сказал Сет, указывая брату на дверь. – Поговорим завтра утром.

Маргарет и Ян тоже пожелали нам спокойной ночи, и мать задержалась, чтобы поцеловать Сета в щеку. Мне это показалось очень милым. Когда они ушли и дверь была закрыта, Сет сел на кровать и уткнул лицо в ладони.

– Итак, – сказала я, подходя к нему, – сколько именно женщин оставалось с тобой на ночь за эти тридцать шесть лет?

Сет посмотрел вверх.

– Ни одну из них моя мать не заставляла почти без одежды.

Я приподняла подол ночнушки.

– Вот в таком виде?

– Извини меня за все это, – добавил Сет и устало махнул в сторону двери. – Надо было позвонить и предупредить тебя. Они просто приехали в город сегодня вечером, естественно ни слова не сказав. Ян не из тех, от кого можно ждать соблюдения правил приличия. От этого пострадает его репутация. Они сначала явились к Терри, но там для них нет места, так вот я и послал их сюда; они были такие усталые. Я и не предполагал, что в результате ты попытаешься переспать с моим братом.

– Сет!

– Шучу, шучу. – Он взял мою руку и поцеловал. – Как ты? Что нового?

– Ну, я старалась, как могла, не дать Санте напиться, а потом узнала, что Джером вписал нас в адскую боулингую лигу.

– Понятно, – сказал Сет. – Все как обычно.

– В целом да. А как у тебя?

Легкая улыбка, блуждавшая по его лицу, исчезла.

– Кроме неожиданного нашествия родни? Тоже ничего нового. Терри допоздна задержался на работе, поэтому я пробыл с девочками весь вечер, пока Андреа отдыхала. Кендалл задала сделать модель Солнечной системы из папье-маше, так что мы все развлеклись. – Сет поднял руки и потер пальцы, испачканные клеем.

– Дай-ка я угадаю. Ты ничего не писал?

Он пожал плечами.

– Это неважно.

– Надо было позвонить мне. Я посидела бы с ними, пока ты пишешь.

– Ты ведь работала, а потом... сегодня же Ночь фондю, верно? – Сет встал, расстегнул рубашку и джинсы, снял их и остался в зеленых фланелевых боксерах.

– Откуда ты узнал? – спросила я. – Я сама едва об этом вспомнила.

– Мой адрес в списке рассылки у Питера.

– Ерунда, это не имело никакого значения. И работа в торговом центре тоже. Я могла мигом приехать.

Сет зашел в ванную и вскоре вернулся с зубной щеткой во рту.

– Эта хабота нифево. Но как тфои фобефедования?

– Никак, – сказала я, не добавив, что никуда больше не ходила. Все меркло в сравнении с «Изумрудным городом».

Разговор прервался, пока Сет заканчивал чистку зубов.

– Ты должна заняться чем-нибудь получше, – вернувшись, сказал он.

– Мне и там неплохо. Я не замораживаюсь. Но ты... тебе нельзя так продолжать. Ты не высыпaeшься и при этом не работаешь.

– Не беспокойся, – сказал Сет, выключил свет и стал заползать на кровать. В потемках я разглядела, что он похлопал ладонью по матрасу рядом с собой. – Иди сюда. Теперь это точно я, клянусь.

Я улыбнулась и уютно устроилась под боком у Сета.

– Знаешь, Ян пах неправильно. Ну, то есть от него пахло приятно, но не так, как от тебя.

– Уверен, он тратит безумные деньги на то, чтобы хорошо пахнуть, – пробормотал Сет сквозь зевоту.

– Где он работает?

– Трудно сказать. У него всегда или новая работа, или никакой работы. Все заработанные деньги уходят на обеспечение завоеванного в трудной борьбе беспечного образа жизни. Ты видела его пиджак?

– Нет. Из его одежды я видела только боксеры.

– Ага. Пиджак, наверно, в гостиную. Он выглядит так, будто куплен в магазине распродаж, но стоимость его наверняка выражается четырехзначным числом. – Сет вздохнул. – Хотя мне не стоит судить его слишком строго. Скорее всего, он начнет клянчить у меня деньги, пока живет здесь. Но я не могу отказать в помощи ему и матери, раз уж они приехали. По крайней мере помогут присматривать за детьми.

Я обвила Сета руками и вдохнула его запах. Запах был правильный, от него голова шла кругом.

– А ты выкроишь время для работы?

– Возможно, – сказал Сет. – Увидим, как пойдет. Надеюсь только, что мне не придется присматривать за мамой и Яном больше, чем за девочками.

– Я произвела на нее совсем плохое впечатление?

– Не слишком плохое. Не хуже, чем любая другая полуодетая женщина, которая собралась провести со мной ночь. – Сет поцеловал меня в лоб. – Она не такая плохая. Не обращай внимания, что она ведет себя как консервативная бабушка с Среднего Запада. Думаю, вы поладите.

Я хотела спросить, встречалась ли Мэдди с Маргарет и, если встречалась, как сложились их отношения, но прикусила язык. Какое мне дело. Все это в прошлом, а мы с Сетом – в настоящем. Время от времени, особенно оставаясь в этом доме надолго, я ненароком получала напоминания о том, что Мэдди тоже жила с Сетом. То тут, то там я замечала легкие намеки на ее присутствие. К примеру, Мэдди предпочитала проводить время в кабинете Сета, где лежал футон¹ – изящное свидетельство ее изобретательности. Именно она предложила Сету купить эту вещь, чтобы кабинет стал похожим на гостиную. Мэдди ушла, футон остался.

Впрочем, я старалась не заикливаться на таких мелочах. Нас с Сетом связывало слишком многое. Мы преодолели серьезные проблемы в отношениях. Я смирилась с тем, что он смертен, и приняла его готовность подвергнуть риску свою жизнь ради физической близости со мной. Сказать по правде, я все равно накладывала ограничения на нашу сексуальную жизнь, но сам факт, что я вообще ее допустила, стал большой уступкой с моей стороны. Со своей стороны Сет примирился с тем, что для поддержания собственного существования я часто провожу время в постели с другими мужчинами. Все это нелегко далось нам обоим, но постараться стоило, ведь мы остались вместе. Все, что нам пришлось пережить, стоило того.

– Я тебя люблю, – сказала я.

Сет нежно поцеловал меня в губы и прижал к себе покрепче.

– Я тоже тебя люблю. – А потом, отзываясь эхом на мои мысли, Сет добавил: – Ты придаешь смысл всему... Все, чем я занимаюсь... Я справляюсь только благодаря тому, что у меня есть ты, Тетис².

Тетис. Сет уже давно придумал для меня такое прозвище. Оно происходило от имени меняющей облик богини из греческой мифологии, ее сердце завоевал преданный смертный. Сет часто называл меня Тетис, а Летой – только раз. Я снова вспомнила о той ночи. Чувство беспокойства, которое возникло тогда, не исчезало, но я опять постаралась отрезвиться от него. Вот ещё одна вещь, которая портит мне жизнь. Не позволю. Что значат все эти мелкие

¹ Футон – толстый матрас, на каких спят в японских домах, расстелая на ночь и убирая утром в шкаф.

² Тетис или Тефия – в греческой мифологии одно из древнейших божеств, титанида, дочь Урана и Гей, жена Океана, которому родила океанид и речных богов; у Гомера она называется праматерью всех богов.

уколы в сравнении с величием нашей любви. Скорее всего, как и сказали мои друзья, Сет просто случайно услышал это имя.

Я успокоилась и погрузилась в сон, но перед восходом солнца внезапно пробудилась, открыла глаза и села на кровати. Сет пошевелился, потом перевернулся, но не проснулся от моего резкого движения. Я оглядела комнату, сердце билось учащенно. Меня заставило проснуться присутствие какого-то незнакомого бессмертного. Похоже, это был демон.

Сейчас в комнате никого не было – ни видимого, ни невидимого, но я точно знала: только что здесь находился кто-то из служителей Ада. Не первый раз во время сна ко мне являлись непрошенные гости, зачастую с недобрыми намерениями. Конечно, только что здесь побывал демон, а демоны – бессмертные существа более высокого ранга, чем те, кто, вроде меня, принял человеческий облик, – способны скрывать свое присутствие. Если он или она намеревался пошпионить за мной или причинить какой-нибудь вред, то легко мог это сделать, не опасаясь быть обнаруженным.

Потихоньку встав с кровати, я продолжила обследование комнаты в поисках каких-либо знаков или объяснения причин появления демона. Я не сомневалась: что-нибудь обязательно отыщется. Вот оно. Уголком глаза я заметила красную вспышку в своей сумочке: сверху на ней лежал конверт с деловым письмом. Я быстро подошла и схватила его. Конверт показался мне теплым на ощупь, но когда я торопливо распечатала его, то похолодела. Ощущение холода усиливалось, пока я извлекала из конверта письмо, напечатанное на официальном бланке Ада. Ничего хорошего это не предвещало.

В комнату проникали лучи восходящего солнца, и света для чтения хватало. Письмо от отдела кадров Ада было адресовано Лете (иначе – Джорджине Кинкейд):

«Через тридцать дней вы переводитесь в другое место. К выполнению нового задания приступите 15 января. Подготовьтесь к переезду из Сиэтла и своевременно оповестите о своем прибытии на новое место службы».

Глава 3

Конечно, плотная бумага и текст, отпечатанный на лазерном принтере, сильно отличались от рукописного текста на пергаменте, но официальные уведомления о переводе я узнавала с первого взгляда. За тысячу лет я получала их не один десяток раз, все они, хоть и в разной форме, имели одинаковое содержание – указывали новое место назначения. Последнее такое письмо я получила в Лондоне пятнадцать лет назад. Оттуда я и перебралась в Сиэтл.

Эта бумага означала, что снова пришло время собирать манатки.

Покинуть Сиэтл.

– Нет, – выдохнула я совсем тихо, Сет не услышал. – Нет.

Я понимала, что письмо настоящее. Это не фальшивка. И не розыгрыш с использованием адского бланка. Я молилась только об одном: хоть бы это официальное извещение о переводе оказалось посланным мне по ошибке. В письме ничего не говорилось о сути нового задания, потому что, согласно протоколу, обычно наемных работников накануне перевода инструктировали главные демоны. Только после этого приходило другое письмо с официальным подтверждением окончания прежней службы и начала новой.

Я видела своего главного демона меньше двенадцати часов назад. Разумеется, если бы это была правда, Джером хотя бы мельком упомянул о грядущих переменах. Перевод на новое место суккуба для него не абы что. Ему теперь придется несладко: я выпала из обоймы и надо срочно искать кого-то на мое место. Но нет. Джером был спокоен. Когда кого-то ждут серьезные перемены, так себя не ведут. Он даже не намекнул. Вообще-то, такое событие должно было хоть немного поколебать его озабоченность делами боулинговой лиги.

Я заметила, что сижу не дыша, и заставила себя сделать вдох. Ошибка. Тот, кто послал мне это, очевидно, сделал ошибку. Оторвав взгляд от письма, я посмотрела на спящего Сета. Он, как обычно, растянулся на постели, разбросав в стороны руки и ноги. Свет и тени играли на его лице, и, рассматривая любимые черты, я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

Уехать из Сиэтла. Уехать от Сета.

Нет, нет, нет. Я не стану плакать. Не стану, потому что плакать не о чем. Это ошибка. Наверняка ошибка. Не может же мир быть столь жесток по отношению ко мне. Я уже так много страдала. А сейчас я счастлива. Мы с Сетом выиграли битву за то, чтобы быть вместе. Наши мечты наконец сбылись. И этот сладкий сон не может закончиться прямо сейчас.

Не может? Мерзкий голос в голове вернул меня к реальности. *Ты продала свою душу. Ты проклята. С чего ты решила, будто мир тебе что-то должен? Ты не заслуживаешь счастья. Ты все потеряешь, и это правильно.*

Джером. Надо поговорить с Джеромом. Он прояснит ситуацию.

Я сложила письмо вчетверо и засунула его в сумочку. Схватив мобильник, я направилась к двери, походя накидывая халат. Мне удалось беззвучно выскользнуть из спальни, но победа длилась недолго. Я надеялась пробраться через гостиную мимо Яна и поговорить с Джеромом без свидетелей. К несчастью, мне это не удалось. Ян и Маргарет оба уже встали, вынудив меня остановиться на полпути к цели.

Маргарет стояла у плиты и что-то готовила, а Ян сидел за столом.

– Мама, – говорил он, – какая разница, сколько ты возьмешь кофе и сколько воды. Ты все равно не приготовишь американо из этих крох. Особенно из «Старбакса», который покупает Сет.

– На самом деле, – вступила в разговор я, с сожалением опуская телефон в карман халата, – этот кофе покупала я. И он не так уж плох. Мы же в Сиэтле, не забывайте.

Ян, похоже, под душем еще не был, но по крайней мере оделся. К моим словам он отнесся критически.

– «Старбакс»? Может, он когда-то и был неплох, пока не стал мейнстримом. Но теперь это еще одна корпорация-монстр, к которой жмутся все овцы. – Ян круговым движением взболтнул кофе в кружке. – В Чикаго я, бывало, заглядывал в отличную маленькую кафешку, ее держал бывший бас-гитарист из одной инди-рокгруппы. Вы вряд ли о ней слыхали. Он готовил такой аутентичный эспрессо, что башню сносило. Конечно, это мало кто понимал, в такие места люди мейнстрима не стремятся.

– Итак, – сказала я, подозревая, что кто-нибудь мог бы затеять игру в литрбол, взяв за повод опрокинуть стаканчик каждый раз, как Ян употребит слово «мейнстрим», – полагаю, на мою долю «Старбакса» хватит.

Маргарет кивнула в сторону кофемашины Сета.

– Выпей с нами чашечку.

А потом продолжила готовить. Мобильник жег мне карман, хотелось выбежать за дверь, но я заставила себя соблюдать приличия в присутствии родственников Сета. Я налила себе чашку отменного «корпоративного» кофе и постаралась держаться так, будто гости хозяина квартиры вовсе не мешали мне совершить звонок, от которого зависела моя дальнейшая жизнь. Скоро, сказала я себе. Скоро ты получишь ответ. Джером, наверное, ещё не проснулся. Я могу немного подождать, чтобы продемонстрировать вежливость, а потом уже получу ответ на свой вопрос.

– Вы рано встали, – сказала я и, взяв свой кофе, отошла в угол кухни, откуда мне были хорошо видны оба Мортенсена и дверь.

– Вовсе нет, – отозвалась Маргарет. – Уже почти восемь. А там, откуда мы приехали, – десять.

– Понятно, – пробормотала я, отпивая из кружки. С тех пор как я записалась в команду «Северный полюс», эта часть суток выпала из моей жизни. Дети, как правило, не атаковали Санту своими просьбами так рано даже в том торговом центре, где я работала.

– Вы тоже писатель? – спросила Маргарет, ловко взбивая что-то в миске. – Поэтому у вас такой странный режим дня?

– Ах, нет. Но я обычно начинаю работать попозже. Я работаю, хм, в розничной торговле, то есть в те часы, когда открыт торговый центр.

– Торговый центр, – усмехнулся Ян.

Маргарет отвернулась от плиты и глянула на сына.

– Можно подумать, ты там никогда не был. Половина твоей одежды из «Fox Valley».

Ян порозовел.

– Неправда!

– Разве твой пиджак куплен не в «Abernathy & Finch»? – продолжала подкалывать Маргарет.

– «Abercrombie & Fitch»! – поправил Ян. – К тому же я там ничего не покупал.

Выражение лица Маргарет говорило само за себя. Она вынула из буфета две тарелки и высокими стопками выложила на них оладьи. Одну тарелку она поставила перед Яном, а вторую протянула мне.

Я стала отнекиваться.

– Погодите. Это же ваш завтрак. Я не могу его съесть.

Маргарет пригвоздила меня к месту стальным взглядом, а потом смирила с головы до ног. Мне удалось хорошо рассмотреть нашитых на ее толстовке медвежат.

– О! Ты не из тех ли девиц, которые не притрагиваются к настоящей пище? Твой обычный завтрак – кофе и грейпфрут? – Она с расчетом выдержала паузу. – Или ты не доверяешь моим кулинарным способностям?

– Что? Нет! – Я быстро поставила тарелку на стол и заняла место напротив Яна. – Выглядит аппетитно.

– Обычно я вегетарианец, – заявил Ян, поливая оладьи сиропом. – Но для мамы делаю исключения.

Мне надо было пропустить это мимо ушей, но я не удержалась от замечания:

– Не думаю, что слова «вегетарианец» и «обычно» употребляются вместе. Вы или вегетарианец, или нет. Если же время от времени вы делаете исключения, то не заслуживаете такого названия. Вот пример: иногда я добавляю сливки в кофе, а иногда нет. Но я не говорю, что я вегетарианка, когда сижу на мели.

Ян вздохнул с досадой.

– Я вегетарианец иронически.

Я занялась поеданием оладий. Маргарет снова встала к плите, на этот раз чтобы приготовить завтрак себе, но продолжила разговор.

– А давно вы встречаетесь с Сетом?

– Ну... – Я использовала жевание как предлог потянуть время, чтобы сформулировать ответ. – Это сложный вопрос. Мы, хм, встречаемся около года.

Ян нахмурился.

– А разве Сет не был помолвлен часть этого года?

Я едва не ответила: «Он был помолвлен иронически», – но тут из спальни вышел Сет. Я обрадовалась, что выяснение сути наших с Сетом взаимоотношений откладывается, – но зачем же он встал так рано?

– Привет! – сказала я. – Иди обратно в постель. Тебе нужно еще поспать.

– И тебе доброе утро, – сказал Сет, чмокнул мать в щеку и сел с нами за стол.

– Я тебе говорю, – продолжила я, – сейчас у тебя есть шанс выспаться.

– Я уже выспался, – ответил Сет, подавляя зевоту. – К тому же я обещал приготовить кексы для близняшек. У них в классе сегодня отмечают начало каникул.

– Каникул, – буркнула Маргарет. – А что случилось с Рождеством?

– Я тебе помогу, – предложила я Сету. – Ну... после того, как разберусь с парочкой дел.

– Кексы могу испечь я. – Маргарет уже хлопала дверцами кухонных полок в поисках ингредиентов. – Я пекла кексы задолго до вашего рождения.

При этих словах мы с Сетом переглянулись.

– Вообще-то, – сказал Сет, – с этим я справлюсь сам. А от тебя, мама, будет больше пользы, если ты сходишь в школу за Кайлой. Она сегодня учится полдня, и Андреа понадобится нянька. – Он кивнул мне. – Ты работаешь вечером, так? Приходи помочь мне с близнецами. Они способны задать работу не одному волонтеру. Костюм эльфа не будет лишним. А ты... – Сет повернулся к Яну и замолчал, не зная, чем тут может быть полезен Мортенсен-младший.

Ян важно выпрямился.

– Я пойду искать магазин, где продают выпечку из натуральных ингредиентов, и наберу там всякой всячины, пусть дети поедят пирожков из продуктов, выращенных в естественных условиях и в которых нет ни одного компонента животного происхождения.

– Это как, вроде муки без глютенa? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Ян, им всего по семь лет, – вмешался Сет.

– И что с того? – возразил Ян. – Таково мое представление о помощи.

Сет вздохнул.

– Ладно. Отправляйся на поиски.

– Отлично, – обрадовался Ян. Потом сделал выразительную паузу. – Могу я позаимствовать немного денег?

Маргарет настояла на том, чтобы Сет позавтракал, прежде чем приниматься за другие дела. Он стал центром внимания, и я не преминула этим воспользоваться. Я надела первое, что попало под руку, и вежливо откланялась, поблагодарив Маргарет за завтрак и сообщив Сету, что встречу с ним у школы близнецов, когда надо будет раздавать кексы. Вырвавшись на волю, я стала называть Джерому.

Ничего удивительного, но вместо ответа я услышала предложение оставить голосовое сообщение, что и сделала, не пытаясь скрыть своего нетерпения... или раздражения. Такие выходки вряд ли вызовут в нем прилив добрых чувств, но меня это не заботило, и без того тошно. Это новое назначение – важное дело. Если оно в силе, Джером должен дать мне подробные указания.

Я вернулась к себе. Мои кошки Обри и Годива встретили меня радостно. Правда, думаю, они обрадовались бы любому, кто их накормит. Когда я вошла, они лежали у закрытой двери в комнату Романа, но немедленно подскочили. Кошки важно прошествовали ко мне, стали виться вокруг ног и бомбардировать меня жалобным мяуканьем, пока я не наполнила их миски. Больше я их не интересовала.

Я позабавилась мыслью: а не разбудить ли Романа? Мне правда очень нужно было обсудить с кем-нибудь новость о переводе, а Сет на эту роль не подходил. К несчастью, Роман разделял с отцом «нежность к утреннему часу». Скорее всего, толкового разговора не получится, если я прерву его сладкий утренний сон. Поэтому я приняла душ и стала готовиться к новому дню, надеясь, что Роман сам проснется. Ничего подобного. Когда стрелки часов перевалили за десять, я отправила новое сообщение Джерому и перестала рассчитывать на пробуждение Романа. Мне в голову пришла новая идея, и я вышла на улицу, чтобы проверить свое предположение, а про себя решила: если, когда вернусь, Роман так и будет дрыхнуть, то все-таки подниму его.

«Погребок» был любимым баром бессмертных, особенно жаловали эту захудалую нору на площади Первооткрывателей Джером с Картером. В это время в баре было не особенно оживленно, но ангелам и демонам дела нет до общих правил. Хоть Джером и не отвечал на звонки, однако имелась вероятность встретить его здесь за утренней порцией спиртного.

Спустившись в подвал, я и правда ощутила присутствие здесь кого-то из бессмертных высокого ранга. Только это был не Джером. Это вообще был не демон. У барной стойки в одиночестве сидел Картер. Он покручивал рукой стаканчик с виски, в то время как бармен заправлял в музыкальный автомат пластинки с песнями 1970-х. Картер тоже почувствовал, что я тут. Какой смысл увиливать от встречи. Я села на табурет рядом с ним.

– Дочь Лилит, – произнес Картер и махнул бармену, чтобы тот оставил песню. – Не ожидал увидеть тебя на людях так рано.

– У меня было нелегкое утро, – сказала я. – Кофе, пожалуйста. – Хозяин бара кивнул и налил мне кружку из кофейника, который, должно быть, простоял тут со вчерашнего вечера. Я поморщилась, вспоминая кафешки, мимо которых проходила по пути сюда. Яну эта бурда наверняка понравилась бы за «аутентичность».

– Ты не знаешь случайно, где Джером? – спросила я, когда мы с Картером остались наедине.

– Вероятно, в постели. – Произнося это, Картер смотрел на свой стакан, внимательно изучая игру света в янтарной жидкости.

– Ты меня туда не отправишь? – спросила я. Однажды в критической ситуации Картер телепортировал меня, но сейчас я все равно не знала, где кинул кости мой босс.

Картер слегка улыбнулся мне.

– Я хоть и бессмертный, а все равно кое-чего побаиваюсь. Явиться к Джерому так рано, ведя тебя следом на веревочке, – одна из таких крайне опасных вещей. А что за срочность? Ты придумала название для боулинговой команды?

Я протянула ему полученное уведомление. Картер не успел даже приглядеться толком, как улыбка сошла с его лица. Не сомневаюсь, за этим листком бумаги тянулся шлейф адских миазмов, но я не улавливала таких тонких материй. Картер не прикасался к письму, и я положила листок на стол, чтобы он мог прочесть.

– Новое назначение, да? – Это было произнесено каким-то странным тоном, будто он вовсе не удивился.

– Похоже на то. Но я пришла к выводу, что тут какая-то ошибка. Сперва ведь Джером должен был встретиться со мной, ты знаешь? Ты видел его вчера вечером. Не было и намека, что грядут какие-то неизбежные перемены. Вот так. Слишком таинственно все происходит, обычно проще. – Я сердито постучала пальцем по письму. – Кто-то в отделе кадров все перепутал и прислал мне это по ошибке.

– Ты так думаешь? – печально спросил Картер.

– Ну, я действительно не считаю Ад непогрешимым. И я не вижу причин, почему меня должны перевести. – Картер не отвечал. Я пристально посмотрела на него. – Почему? Тебе что-нибудь известно?

Картер тянул с ответом, вместо этого он сосредоточенно опорожнял стакан.

– Я достаточно хорошо знаю Ад, чтобы понимать: им не нужны причины.

Меня охватило странное чувство.

– Но по крайней мере одна тебе известна.

– Ты что-то не слишком шокирован этой новостью.

– Ад меня больше ничем не удивляет.

– Черт возьми, Картер! – воскликнула я. – Ты не отвечаешь на мой вопрос. Ты не говоришь ни «да», ни «нет». Это глупо, но так делают все ангелы.

– Мы не можем лгать, Джорджина. Но мы также не вправе всегда сообщать вам все. В мире существуют законы, которые не в силах нарушить даже мы. Повторите, пожалуйста, – крикнул он бармену, – на этот раз двойную порцию.

Хозяин бара удивленно выгнул бровь, услышав заказ Картера, и подошел к нам.

– Не рановато ли?

– Бывают такие дни, – отозвался Картер.

Бармен кивнул с видом мудреца и щедро плеснул в стакан ангела, после чего удалился.

– Картер, – прошипела я. – Что тебе известно? Это действительно перевод? Ты знаешь, почему я его получила?

Картер притворился, что страшно заинтересован игрой света в стаканчике с виски. Но когда он повернулся и направил на меня тяжелый взгляд, я ахнула. Он делал так изредка, как будто заглядывал мне в самую душу. Только сегодня впечатление было еще сильнее, мне показалось, что на короткий миг в его глазах отразилась печаль всего мира.

– Я не знаю, ошибка ли это, – сказал Картер. – Возможно, что так. Конечно, ваши чиновники достаточно часто путают линии. Но если письмо доставлено по адресу... если это так, я не удивлюсь. Я могу придумать миллион причин, одну лучше другой, почему тебя хотят выдворить из Сиэтла. Но ни одной из них я не могу назвать, – строго добавил ангел, видя, что я собираюсь ему перечить. – Как я уже сказал, у этой игры есть правила, и я обязан им следовать.

– Это не игра! – взорвалась я. – Это моя жизнь.

На лице ангела появилась грустная улыбка.

– Никакой разницы, когда дело касается Ада.

Я почувствовала, как внутри меня эхом отозвалась вселенская тоска, отблеск которой я заметила в глазах Картера.

– Что мне делать? – тихо спросила я.

Кажется, этот вопрос обезоружил ангела. Я часто обращалась к нему за советами, чтобы подобрать ключи к загадкам, которые меня окружали. Но сейчас, уверена, это случилось впервые, я просила его дать мне простой житейский совет.

– Дай-ка я угадаю, – сказала я, увидев, что Картер раскрыл рот от удивления. – Ты не можешь мне ничего сказать.

Картер смягчился, это было видно по лицу.

– Нет, ничего конкретного. Прежде всего, тебе надо узнать, не ошибка ли это. Если ошибка, всем станет легче жить.

– Для этого мне нужен Джером, – простонала я. – Может, Хью или Мэй знают.

– Возможно, – согласился Картер, но по его тону было件件но, что он не слишком в это верит. – Рано или поздно Джером ответит на звонок, и ты все узнаешь.

– А если это правда? – спросила я. – Что тогда?

– Тогда начинай паковать чемоданы.

– Вот так, значит. И это все, что я могу предпринять? – Произнося эти слова, я знала, что все так и есть. Письмо о переводе нельзя просто выкинуть в мусорный ящик. В этом я убедилась на собственном опыте: меня переводили с места на место десятки раз.

– Да, – сказал Картер. – Мы оба понимаем, что у тебя нет выбора. Вопрос в том, насколько изменится твоя жизнь. А тут все в твоих руках.

Я сдвинула брови, силясь уследить за ангельской логикой.

– Что ты имеешь в виду?

Картер помолчал, будто взвешивал в голове слова, которые собирался произнести. Наконец он решился и наклонился ко мне близко-близко.

– Вот что я тебе скажу. Если письмо настоящее, значит, есть причина, это точно. Это не какая-нибудь случайная перестановка. А раз причина имеется, следовательно, ты делаешь нечто такое, чего Ад не хочет допустить. Итак, вопрос состоит в следующем: намерена ли ты, Джорджина, продолжать делать то, чего не хочет допускать Ад?

Глава 4

– Но я не понимаю, что такого я делаю! – закричала я. – А ты понимаешь?

– Я сказал тебе все, что мог сказать сейчас, – ответил Картер, как прежде, очень печальным тоном. – Все, что я могу для тебя сделать, – это купить тебе выпивки.

Я покачала головой.

– Не думаю, что в мире найдется достаточно виски.

– Это точно, – уныло согласился Картер, – это точно.

Несмотря на пессимизм ангела, я все же попыталась дозвониться Хью и спросить, не знает ли он чего.

– Что? Ерунда какая-то, – заявил он мне. – Это ошибка. Иначе и быть не может.

– Ты не попробуешь связаться с Джеромом? Для меня, – попросила я. – Понимаешь, я тоже буду пытаться, но, может, если мы станем звонить ему вместе, он наконец обратит внимание на телефон. – Хотя было все еще рановато для демона. Я подумала: он может просто игнорировать мои звонки, если что-то готовится. Хью же мог просунуть свой нос туда, куда мне хода не было.

Время встречи с Сетом в школе у близнецов стремительно приближалось. Я хотела сбегать домой и переговорить с Романом о моем предполагаемом переводе, но теперь это не казалось мне столь важным, по крайней мере пока я не получу подтверждения или опровержения от Джерома. Поэтому, выполнив пару-тройку дел, которые казались безнадежно приземленными в сравнении с великими замыслами вселенной, я поехала к парку «Лесное озеро» и оказалась у школы одновременно с Сетом.

Ян тоже вылез из машины, и Сет обменялся со мной мимолетным взглядом, которым сообщил: в компании с братом ему еще не поплохело. На Яне был тот самый пиджак, о котором упоминал Сет, – бушлат из коричневой шерстяной материи сидел отлично, будто был сшит у портного; с умом сделанные декоративные строчки придавали пиджаку оттенок винтажности. Ян дополнил свой наряд аккуратно повязанным полосатым шарфом и мягкой фетровой шляпой. Кроме того, на нем были очки! Дома у Сета я их на Яне не заметила.

– Не знала, что ты носишь очки, – сказала я ему.

Ян вздохнул.

– Они подходят к шарфу.

Сет нес два больших контейнера с кексами, облитыми белой помадкой и щедро украшенными зеленой и красной посыпкой. Я взяла у Сета одну порцию и вместе с братьями вошла в школу. Тут нас отметили в списке и показали, где находится класс.

– Похоже, вы отлично поработали, – с улыбкой сказала я.

– Нет, благодаря мамуле, – с нежностью в голосе ответил Сет. – Она собиралась уходить целую вечность, без конца предлагала свою помощь и проверяла каждый мой шаг, не забыл ли включить плиту и все такое прочее. Но я делал кексы из готовой смеси в коробочках и не мог слишком многого перепутать.

Ян пролепетал что-то о консервантах и кукурузном сиропе с высоким содержанием фруктозы.

В классе царил милейший организованный хаос. Родители других детей и друзья семейств помогали проводить праздник: накрывали столы и устраивали подвижные игры с детьми. Близняшки кинулись к нам троим со всех ног, наскоро, но очень энергично обняли и поспешили вернуться к играм с друзьями. Я редко видела Морган и Маккенну не в кругу семьи. Радостно было наблюдать за ними – такими активными и общительными. Они явно вызывали симпатии у одноклассников, так же как у меня, и явно считались своего рода лидерами. Хрупкие, восхитительные, белокурые лидеры. Напряжение, которое я испытывала с

момента получения уведомления из отдела кадров, начало отступать, я немного расслабилась и с удовольствием наблюдала за детьми.

Мы с Сетом заняли пост у одного из столов. Сет обнял меня за талию и кивнул в сторону Яна. Тот попытался впихнуть свои собственные кексы – натуральные, вегетарианские, безглютеновые творения местной кондитерской – в одного из одноклассников близняшек. Сказать по правде, кексы были с виду чудесные: ванильные, с шоколадной помадкой, нанесенной в виде изысканного по форме завитка и украшенной поверх красивыми белыми сахарными цветочками. На их фоне кексы Сета выглядели детской забавой – будто их пекли девочки-первоклашки. Но меня не проведешь. Когда печешь кексы без большей части ингредиентов, которые традиционно используются для выпечки, вкус говорит сам за себя. Хотя на вид кексы Яна и были хороши, в их раздаче он не преуспел.

– Это намного полезнее для тебя, чем вся эта химическая дрянь, – говорил Ян мальчику по имени Кайден. Мы находились в классе уже около часа, но Ян не расстался ни с одним предметом своего изысканного туалета – не снял ни шарфа, ни шерстяного пиджака. – Мука из дикого риса и нута, а вместо сахара – кленовый сироп, вот из чего они сделаны!

Глаза Кайдена расширились до невозможности.

– Они из риса и гороха?

Ян осекся.

– Ну, да... то есть нет. Они из муки, которая сделана из этих продуктов, причем самым правильным способом, так, чтобы сохранились все питательные вещества. Плюс, я выбрал бело-коричневые кексы не только для того, чтобы уберечь тебя от искусственных красителей, но также, чтобы выказать уважение ко всем праздникам и традициям. Это не дело – потакать мейнстриму господствующей иудеохристианской машины.

Не проронив больше ни слова, Кайден сгреб со столика с закусками облитое красной глазурью печенье в форме снеговика и поплелся прочь.

Ян посмотрел в нашу сторону страдальческим взглядом.

– Я опасаюсь за нынешнюю молодежь. Хорошо хоть мы сможем забрать, что останется, обратно к Терри.

– Это к лучшему, – сказал Сет. – Они обошлись мне в целое состояние.

– Ты хочешь сказать, они обошлись мне в целое состояние, – поправил Ян. – Это мой вклад в общее дело.

– Но платил-то за них я!

– Это был займ, – повелительным тоном заявил Ян. – Я верну тебе деньги.

Праздник подходил к концу. Семилеткам неинтересно часами стучать стаканами по столу, как это делают мои друзья. А я все проверяла телефон, стоило только Сету от меня отвернуться. Я включила виброзвонок и положила мобильник в карман и все равно боялась пропустить звонок Джерома. Однако, сколько раз я ни смотрела на экран, ничего не менялось: ни входящих звонков, ни сообщений.

Праздник подходил к концу. Маккенна вернулась ко мне и обхватила меня за бедра.

– Джорджина, ты придешь к нам сегодня вечером? Бабуля готовит ужин. У нас будет лазанья.

– И кексы, – встрял Ян, осторожно пакуя свои сокровища. По моим оценкам, ему удалось пристроить всего один кекс, да и тот мальчишке, который решил съесть угощение Яна на спор.

Я подняла Маккенну, удивившись, как она выросла. На меня и моих бессмертных друзей течение времени не оказывало влияния, но люди меняются скачкообразно, иногда за очень короткий срок. Девочка обхватила меня руками, и я поцеловала ее золотистые кудряшки.

– Я бы очень хотела, малышка. Но сегодня вечером я работаю.

– Ты все помогаешь Санте? – спросила она.

– Да, – торжественно подтвердила я. – Это очень важная работа. Я не могу ее пропустить. – Никто не решился бы сказать, сколько продержится трезвым Санта без меня.

Маккенна вздохнула и положила голову мне на плечо.

– Может, заглянешь, когда закончишь работу.

– Ты уже будешь в постели, – сказала я. – Посмотрю, что будет завтра. Может, тогда зайду.

Этимися словами я заработала более крепкое объятие и почувствовала, как защемило сердце. Девочки всегда оказывали на меня такое воздействие: возбуждали всплеск эмоций – смесь из любви к ним и сожаления о том, что у меня самой никогда не будет детей.

Иметь детей – это то, чего я хотела, когда была смертной, но мне в этом счастье было отказано. В прошлом году, когда ко мне явилась Никс, посланница первозданного хаоса, застарелая боль вернулась. Никс посещала меня во сне и насылала мучительные видения, чтобы похитить мою энергию. Одно из них повторялось снова и снова: держа на руках маленькую девочку – мою собственную дочь, – я выхожу за порог дома в снежную ночь, чтобы встретить ее отца. Сначала он был неясной тенью, потом превратился в Сета. Когда позже Никс торговалась со мной, прося о помощи, она клялась, что этот сон был правдой, пророческим предвидением. Но это была ложь. Со мной такого никогда не произойдет.

– Может, заедешь ко мне после работы? – тихонько сказал мне на ухо Сет, когда Маккенна выскользнула из моих объятий.

– Это зависит от того, – произнесла я, – кто будет спать в твоей постели!

– Мы поговорили. Он больше не зайдет в мою комнату.

Я улыбнулась и взяла Сета за руку.

– Я бы приехала, но у меня есть дела сегодня вечером. Мне надо отыскать Джерома... по одному делу.

– Ты уверена? – спросил он. – Это точно не из-за моих родственников?

Признаюсь, мне не слишком приятно было бы встретить неодобрительный взгляд Маргарет Мортенсен, но, кроме того, едва ли я была бы хорошей компанией для Сета, если до вечера не узнаю, что все-таки происходит с моим переводом. Перевод. Глядя в глаза Сета, полные тепла и доброты, я почувствовала, будто у меня в душе разверзлась пропасть. Может статься, мне нужно хвататься за любую возможность побыть с ним. Кто знает, сколько нам осталось? Нет, оборвала я себя. Не думай так. Вечером ты найдешь Джерома, и все выяснится. А потом вы с Сетом будете счастливы.

– Твоя семья тут ни при чем, – заверила я Сета. – К тому же у тебя теперь есть помощники, и ты можешь использовать свободное время, чтобы поработать.

Сет выкатил глаза.

– А я думал, работать на себя – значит не иметь начальников.

Я ухмыльнулась и чмокнула его в щеку.

– Я останусь у тебя завтра.

Мимо проходил Кайден. Он собирался взять последнюю печенинку. Заметив мой поцелуй, мальчик сердито нахмурился.

– Ого!

Я распрощалась с Мортенсенами и отправилась в торговый центр. Смертные нередко удивляются тому, что бессмертные, вроде меня, нанимаются на постоянную работу. Если живешь на свете несколько столетий и распоряжаешься деньгами с умом, совсем нетрудно сколотить состояние и существовать безбедно, не берясь за человеческую работу. И все же большинство бессмертных, которых я знаю, работают. Поправлюсь: большинство бессмертных низкого ранга. Старшие, такие как Джером или Картер, редко это делают. Но, может

быть, им хватает возни с наемными работниками. Или, вероятно, младшие бессмертные вынесли эту тягу к работе из того времени, когда были людьми.

Как бы там ни было, дни вроде сегодняшнего являлись ярким напоминанием о том, почему я выбрала труд по найму. Если бы мне нечем было заняться, я бы провела остаток дня в бесконечных раздумьях о своей судьбе и возможном переводе. Ассистирование Уолтеру-Санте, каким бы абсурдным ни казалось это занятие, давало мне возможность отвлечься от ожидания новостей от Джерома. Обладание профессией тоже имело смысл, а как еще бессмертному скоротать дни? Я встречала младших бессмертных, которые сходили с ума, большинству из них нечем было заняться, кроме как бесцельно плыть по течению их бесконечных жизней.

Сегодня наши ряды пополнились новым эльфом. Уолтер окрестил ее Хэппи. Вот кто действительно помогал скоротать время, таких игроков на нервах еще поискать.

– Я вообще не считаю, что он должен выпивать, – произнесла она, похоже, в сотый раз. – Зачем мне тогда учить его расписание?

Мы обменялись взглядами с Прансером – эльфом-ветераном.

– Никто не утверждает, что это правильно, – разъяснял он Хэппи. – Мы говорим лишь о том, что такова реальность. Он все равно приложится к бутылке с ликером, так или иначе. Если мы ему не нальем, он спрячется в ванной. Он уже так делал.

– А если наливать ему будем мы, – подхватила я, – тогда мы сможем контролировать, сколько он примет на грудь. Это не много, – я указала на листок с расписанием, которое мы составили. – Особенно для мужчины его габаритов. Этого не хватит, чтобы назююкаться.

– Но ведь тут дети! – воскликнула Хэппи и перевела взгляд на длиннющую очередь, протянувшуюся через весь торговый центр. – Милые, невинные, веселые ребяташки.

Мы с Прансером снова обменялись беззвучными посланиями.

– Знаешь что, – наконец произнесла я, – вот ты ими и займись. Забудь о распорядке выпивки. Мы с этим справимся. А ты займи место Башфул в конце очереди. Она не очень-то любит работать с публикой. – Когда Хэппи удалилась на достаточное расстояние и не могла нас услышать, я заметила: – Однажды кто-нибудь настучит на нас в отдел кадров торгового центра.

– Уже стучали, и не раз, – сказал Прансер, разглаживая зеленые штаны из спандекса. – Я работаю с Уолтером уже три года, и Хэппи не первый эльф, который испытывает моральные терзания из-за пьянства Санты. На него уже жаловались многократно.

Для меня это было новостью.

– И его не уволили?

– Не-а. Найти работника на эту должность труднее, чем ты думаешь. Пока Уолтер не выкинет чего-нибудь запредельного, начальству торгового центра ни до чего дела нет.

– Ха! Буду знать, – сказала я.

– Джорджина!

Я увидела, как за воротами, ведущими к беседке Санты, кто-то машет мне рукой, стоя у края очереди. Хью. Сердце учащенно забилося. Торговый центр находился совсем рядом с его офисом, так что он и раньше заходил сюда пообедать. Но в свете последних событий и судя по выражению его лица, я заключила, что сегодня он заглянул сюда не случайно.

– Эй, – кивнула я Прансеру, – я возьму перерыв сейчас?

– Конечно, иди.

Я пробралась сквозь толпу и встретила с Хью, стараясь не комплексовать по поводу платья из фольги. Хью был только что из офиса и одет с иголочки, в соответствии с ролью успешного пластического хирурга. Рядом с ним я почувствовала себя простушкой, особенно когда мы стали удаляться от праздничной суматохи и попали туда, где располагались дорогие магазины.

– Я ехал домой с работы и решил остановиться здесь, – сказал Хью. – Подумал, ты не отвечаешь на звонки во время работы.

– Да, редко, – согласилась я, указав на облегающее платье и отсутствие карманов. Я схватила Хью за руку – Пожалуйста, скажи мне, ты что-нибудь слышал? Мой перевод – это ошибка, ведь правда?

– Ну, я все еще думаю, что да, но я пока ничего конкретного не слышал ни от отдела кадров, ни от Джерома. – Он слегка нахмурился, очевидно недовольный скудостью информации. Но под этой, явной, я почувствовала другую эмоцию – нервозность. – У меня для тебя есть кое-что другое. Мы можем поговорить где-нибудь... наедине? Тут есть «Сбарро» или «Оранж Джулиус»?

Я ухмыльнулась.

– В этом торговом центре – нет. Но есть место, где подают сэндвичи. Можем пойти туда.

«Место, где подают сэндвичи» – это не вполне правильное определение. Там готовили, кроме сэндвичей, свежие супы и салаты для гурме, напичканные всякими изысканными ингредиентами. Ян был бы счастлив. Мы с Хью сели за столик. Мой внешний вид привлек внимание нескольких детей, которые находились в заведении с родителями. Я проигнорировала их и наклонилась к Хью.

– Что тогда, если не мифический перевод?

Бес тяжелым взглядом посмотрел на зрителей и несколько мгновений молчал, прежде чем заговорить.

– Я сегодня обзвонил всех своих знакомых, пытался использовать старые связи, чтобы узнать что-нибудь о тебе. Ничего не получилось, как я уже сказал. Но зато я наслушался всяких сплетен.

Меня слегка удивило, что Хью собрался обсуждать со мной адские сплетни, но еще более странным показалось мне то, что эти слухи подвигли его заявиться ко мне для личной беседы. Если до него дошла какая-нибудь весть о близком друге, кажется, чтобы передать ее, хватило бы телефонного звонка, письма по электронной почте или даже эсэмэски.

– Ты помнишь Мильтона? – спросил Хью.

– Мильтона? – Я смотрела на него непонимающим взглядом. Это имя для меня ничего не значило.

– Носферату, – намекнул Хью.

Все равно ничего, но вдруг...

– Ах. Да. Он. Вампир. – С месяц назад Милтон приезжал в город. Он был в отпуске, и Питер с Коди изрядно понервничали. Вампиры существа территориальные и не любят чужаков. Хотя Коди умудрился использовать присутствие Мильтона, чтобы произвести впечатление на свою подружку Габриэllu, в которую до смерти втюрился. Что-то такое я слышала. – Я сама его никогда не видела. Просто знаю, что он был в городе.

– Ну так вот, на прошлой неделе выяснилось, что он побывал в Боулдере.

– И что?

– А то, что, во-первых, странно, с чего бы это ему иметь два отпуска за такой короткий срок. Ты же сама знаешь, как сложно с этим у вампиров. Да, как и у всех нас.

Что правда, то правда. Ад не слишком охотно давал нам отпуска. Когда работодатель владеет вашей душой, он вовсе не ощущает никакой надобности в том, чтобы облегчать вам жизнь. Конечно, время от времени мы имели возможность погулять, но для Ада это не было приоритетом. Бизнес по отлову душ не знает перерывов. В отношении вампиров это было вдвойне правдой, потому что они сами не любят покидать свою территорию. К тому же у них есть проблемы с переездами (скажем, солнечный свет).

– Ладно, это странно, и что? Нам до этого какое дело?

Хью понизил голос.

– Когда Мильтон был в Боулдере, один темный шаман умер при загадочных обстоятельствах.

Я почувствовала, как брови у меня поползли вверх.

– И ты думаешь, Мильтон имел к этому отношение?

– Как я уже сказал, сегодня у меня было время сделать несколько звонков и кое-что разузнать. Оказывается, Мильтон, хоть и базируется в Ралейе, для вампира очень много путешествует, и куда бы он ни приезжал, везде умирает какой-нибудь смертный из сообщества причастных к сверхъестественному.

– Ты говоришь, что Мильтон – наемный убийца, – сказала я. Рассказ Хью заинтриговал меня, но я все еще не понимала, к чему клонит бес. Мы все были частью Большой Игры, ангелы и демоны, но ни те ни другие не должны были прямо влиять на жизнь смертных. В этой сфере вращались бессмертные низкого ранга – искушали и вводили в грех. Но и нам не полагалось никого убивать ни по собственной воле, ни по указанию старших бессмертных. Однако всем было известно, что такое случается, и Мильтон не был первым убийцей, о котором я слышала как об оружии для устранения неугодных смертных.

– Вот именно, – сказал Хью и нахмурился. – Он приезжает куда-нибудь, и люди исчезают.

– Какое отношение это имеет к нам?

Хью вздохнул.

– Джорджина, он был здесь.

– Да, но никто ведь... – Я резко вдохнула и на мгновение замерла в шоке. – Эрик...

У меня все поплыло перед глазами. Я теперь была не в элитном кафе посреди торгового центра. Вместо этого я смотрела на истекающее кровью тело одного из добрейших людей, каких я встречала в жизни. Эрик был моим давним другом в Сиэтле. Много лет он изучал оккультные науки и использовал свои знания о сверхъестественном, чтобы давать мне совет в трудных ситуациях. Он занимался изучением моего соглашения с Адом, когда было совершено разбойное нападение на его магазин и он был убит выстрелом в упор.

– Ты говоришь... – едва выговорила я. – Ты говоришь, что Мильтон убил Эрика?

Хью с горечью покачал головой.

– Нет. Я просто выкладываю перед тобой факты, которые, конечно, компрометируют Мильтона, но не дают возможности с уверенностью обвинять его.

– Тогда зачем ты вообще мне это говоришь? – спросила я. – Тебе ведь не нравится вмешиваться в дела, которые нарушают статус-кво. – Это было правдой и являлось постоянным поводом для разногласий между мной и Хью.

– Мне не нравится, – согласился он. Теперь я поняла, почему Хью был сам не свой. – Совсем не нравится. Но я беспокоюсь о тебе, дорогуша. Ты была дружна с Эриком и наверняка захочешь во всем разобраться.

– Ключевые слова здесь «захочешь разобраться». Полагаю, мне не придется этого делать. – Сердце тоскливо ныло, но я уже начала оправляться от потери Эрика. Жизнь продолжалась, так бывает всегда после ухода близких людей. Знание, возможно ложное, о том, что он был убит во время ограбления, меня мало успокаивало, но по крайней мере это все объясняло. Если в жуткой теории Хью о том, что убийцей мог оказаться Мильтон, была хоть доля правды, тогда все мои представления об устройстве мира рушились. При таком сценарии на первый план выходил не вопрос, кто это сделал, а вопрос, почему он это сделал. Если Мильтон был одним из адских убийц, которые прячутся в тени, значит, кто-то наделенный высшей властью отдал ему приказание, иными словами, у Ада имелись причины желать смерти Эрика.

– Что с тобой? – Хью положил ладонь на мою руку, отчего я подпрыгнула. – Боже, Джорджина. Ты холодна как лед.

– Я в шоке, – сказала я. – Это очень важно, Хью. Невероятно важно.

– Знаю. – Судя по тону, Хью сильно переживал за меня. – Обещай, что не натворишь глупостей. Иначе я стану жалеть, что сказал тебе.

– Ты сделал правильно, – ответила я и пожала его руку, не пообещав ничего конкретного насчет неделания глупостей. – Спасибо тебе.

Вскоре после этого мне пришлось уйти помогать Хэппи. За прошедшее время ее вера в чистоту и чудесное детское естество заметно поубавилась. Возможно, ее поколебал шестилетка, попросивший о пластической операции на носу. Что касается меня, я пребывала в трансе, оглушенная сообщением Хью. Эрик убит. В его последних словах, обращенных ко мне, содержался намек на то, что этим дело не кончится, но пока ничто не подтверждало его предостережения. Или нет... погодите-ка. Может, что-то было? Я вспомнила, как выглядело разбитое стекло в кабинете Эрика; полиция подозревала, что оно было разбито изнутри. Ну и что с того? Где мне искать ответы?

Не менее удивительна была уступка Хью. Почему он все это мне рассказал? Он ценил свою работу и дорожил положением. Он не из тех, кто способен идти против Ада или задавать вопросы о вещах, которые к нему лично отношения не имеют. Видно, у него давние счёты с Мильтоном, поэтому он и сообщил новость мне, я вроде как его подруга. Из своих подчиненных Ад лепит отчаявшихся, бездушных созданий, и большинство вполне устраивает такое положение дел. Однако я сильно сомневаюсь, что хоть кто-нибудь из сильных мира того представляет, насколько сильно мы, нижестоящие, способны сдружиться.

Само собой, отвлечь меня от всех этих мыслей могло только какое-нибудь другое сильное впечатление. И таковым оказалось присутствие Джерома в моей квартире поздним вечером того же дня. Я возвращалась с работы и почувствовала его ауру, уже когда вставляла ключ в замочную скважину. Все мои опасения и теоретизирования насчет Эрика и Мильтона немедленно были отогнаны в угол сознания, а на передний план выступили старые переживания по поводу загадочного перевода на новое место.

Когда я вошла, Джером с Романом сидели в гостиной, оба совершенно расслабленные; они едва обратили внимание на мое появление.

– Вот потому, – говорил Джером, – ты и должен этим заняться. И как можно скорее. Люди Нанетт уже давно готовятся, так что тебе придется нагонять. Составь расписание – пусть оно будет строгим – и заставь этих бездельников выкладываться на дорожке.

Я удивленно спросила:

– Вы здесь, чтобы обсудить турнир по боулингу?

Мужчины посмотрели на меня, Джером был явно раздражен тем, что его прервали.

– Конечно. Чем раньше ты приступишь к тренировкам, тем лучше.

– Может быть, лучше, если это случится быстрее? – Я изящным жестом протянула Джерому истрепанное уведомление адской кадровой службы. – Вы мне объясните, меня переводят или нет? Ставлю на то, что это ошибка, потому что в противном случае вы наверняка уже все рассказали бы мне. Правильно?

Несколько ударов сердца; в комнате тишина. Джером не сводил с меня тяжелого, мрачного взгляда, и я выдержала его – глаз не опустила. Наконец босс произнес:

– Нет. Это не ошибка. Тебя переводят.

У меня чуть челюсть не отвисла.

– Тогда почему... почему я узнаю об этом только сейчас?

Джером испустил вздох и сделал нетерпеливый жест рукой.

– Потому что я только что узнал об этом. Кто-то сильно поторопился и прислал уведомление тебе раньше, чем поставил в известность меня. – Глаза демона сверкнули. – Не беспокойся, я сам не слишком переживаю. Я им уже объяснил, что об этом думаю.

– Но я... – Я сглотнула слюну. – Я так надеялась, что это ошибка...

– Это и была ошибка, – подтвердил Джером, – только не та, о которой ты думала.

Мне хотелось сползти на пол и раствориться в небытии, но я заставила себя твердо стоять на месте. Я должна была задать следующий вопрос – вопрос, от которого зависела моя дальнейшая жизнь.

– Куда... куда меня отправляют?

Джером снова пронзил меня взглядом, на этот раз, чтобы потянуть время, наслаждаясь моей агонией. Ублюдок! Наконец он заговорил.

– Ты поедешь в Лас-Вегас, Джорджи.

Глава 5

Я готовилась услышать «Кливленд» или «Гуам» и была настроена достаточно пессимистично, чтобы ожидать назначения в еще менее привлекательное местечко. Если мне действительно предстояло пережить отъезд из Сиэтла, то наверняка ожидало меня нечто ужасное.

– Ты сказал: «Лас-Вегас»? – произнесла я, опускаясь на диван, и тут же попыталась предугадать подвох. – А, это не Лас-Вегас в Неваде, так? Это другой Лас-Вегас. Нью-Мексико? Или вообще на другом континенте?

– Прости, Джорджи, но я тебя разочарую и развею твои страдальческие фантазии. – Джером закурил сигарету и глубоко затянулся. – Это Лас-Вегас в Неваде. Думаю, ты даже знаешь тамошнего главного демона Луиса. Разве вы с ним не дружите?

Я моргнула.

– Луис? Да, он образцовый архидемон. – Эти слова вызвали у Джерома слабую усмешку, но я не обратила на это внимания. Я работала на Луиса давным-давно, и, сказать по правде, вероятно, он был моим любимым боссом. Это не значит, что Джером был ужасен, но Луис, несмотря на строгость, многое прощал, и, как следствие, с ним иногда можно было забыть, что ты проклята навеки.

– Значит, мое новое назначение – ехать в Лас-Вегас и работать на Луиса.

– Да, – подтвердил Джером.

Я отвела рассеянный взгляд от окна и посмотрела на босса.

– И это никак нельзя изменить? Остановить? Что я могу сделать, чтобы остаться здесь? И ты точно знаешь, что тут нет ошибки? Может, напутали с адресом?

Темные брови Джерома вздыбились. Его редко удавалось застать врасплох, но вот настал именно такой момент.

– Ты не хочешь ехать? Я, конечно, польщен, что ты предпочитаешь остаться под моим началом, но я думал, ты обрадуешься. Лас-Вегас отличное место для недоделанных суккубов вроде тебя.

Я пропустила издевку мимо ушей, хотя в его словах был смысл. В Лас-Вегасе настолько питательная среда для греха и спасения, что город буквально напичкан служителями Небес и Ада. Там, вероятно, самая высокая во всем мире концентрация суккубов и инкубов, а значит, легко выполнить норму. Здесь я была единственным суккубом, и каждая совершенная мною душа подвергалась тщательному досмотру. В Лас-Вегасе же – толпы легких на руку суккубов, успехи которых с лихвой покроют безделье таких, как я.

– Дело не в тебе, – медленно проговорила я, – а в... Сете.

Джером громко вздохнул и затушил сигарету о мой кофейный столик. Хорошо еще, ему под руку не попался диван или ковер.

– Да уж. В великих планах вселенной твой любовник играет такую значительную роль, что адская канцелярия даже отменит свое решение. Да ладно, Джорджи. Не будь наивной. Сколько раз тебя переводили с места на место? Или лучше спросить: сколько тебе известно случаев, когда перевод отменяли, потому что кому-то «это пришлось не по вкусу»?

– Ни одного, – призналась я. Самое большее, Ад мог взять такого недовольного служащего на заметку и забрать его из того места, где он не приносил пользы, в другое. Пару раз я сама просила о новых назначениях и получала их. Но раз адская канцелярия приняла решение, значит, так тому и быть. Меня обступила стеной эта леденящая правда: никакой ошибки не было и я ничего не могу изменить. Я попыталась подойти к проблеме с другой стороны. – Но почему? Почему они так решили? Я же хорошо работала... – Говоря это, я не чувствовала полной уверенности в своих словах. Джером понимающе смотрел на меня.

– Ой ли?

– Я не была плохим работником, – сбавила я обороты, – так правильное.

– Но мы тут не в игрушки играем. Нам не нужны середнячки, которые просто отбывают свой номер. Нам нужны души. Мы хотим побеждать. А ты, пока жила здесь, ничем особенным себя не проявила. Не смотри на меня так. Ты знаешь, что я прав. Ты показала зубы и проявила зачатки настоящих деловых качеств, когда тебя загребли. Но даже это было как-то неосновательно. – Год назад я заключила сделку с Джеромом и некоторое время вела себя как настоящий суккуб. Я помогла ему избежать ареста, и он негласно делал мне поблажки, когда я отлынивала от работы. – Если бы ты здесь преуспевала и заловила много душ, вряд ли тебе пришлось бы уезжать. Так что, если ищешь виноватого, посмотри в зеркало.

– Ты отчитываешь меня так, будто рад от меня избавиться, – дерзко бросила я.

– Рад? Рад тому, что придется снова брать на службу неизвестно кого на свой страх и риск? Или получить в наследство вечную Тауни? Едва ли. Но, в отличие от тебя, я не противлюсь тому, что мое личное счастье ничего не значит для начальства. Единственное, что имеет для них значение, – чтобы я выполнял их распоряжения. – Тон Джерома ясно давал понять: то же самое верно и для меня.

Я почти никогда не уклонялась от споров с Джеромом, но сегодня отступила. Почему? Потому что мне нечего было сказать, никаких сделок с ним заключать я больше не могла. За годы работы под его началом я выторговала себе много разных привилегий и послаблений, имевших отношение к моей жизни в Сиэтле. Это была его вотчина. А остальной мир? Он находился вне сферы его влияния. Он не мог ничего поделаться с моим переводом, даже если бы хотел. И я тоже ничего не могла предпринять. Некоторым структурам вы просто не в состоянии противостоять. Ад одна из таких. Я продала свою душу, и вместе с ней Ад получил власть над моей вечной жизнью.

– Это несправедливо. – Ожидая едкой ремарки от Джерома, я быстро добавила: – Я знаю, для тебя это пустые слова. Жизнь несправедлива. Я понимаю. Но это так... это так жестоко. У нас с Сетом только-только наладились настоящие отношения. И теперь я должна уехать от него.

Джером покачал головой, и по этому нервозному движению стало понятно: он готов уйти. Его терпение истощилось от этой пустой болтовни.

– Знаешь, когда ты уедешь, мне будет не хватать твоих шуточек, но об одном я точно скучать не буду. О твоей всепоглощающей любви к мелодрамам. Даже для меня это слишком. Печаль и жалость к себе внутри меня трансформировались в злобу.

– О, извини, но для меня это серьезно! Как же мне не расстраиваться?! Я люблю Сета. Я не хочу бросать его!

– Так не бросай. Возьми его с собой. Или встречайтесь на расстоянии. Мне насрать, только перестань скулить. Как ты не видишь выхода? С чего ты взяла, что твое бессмертие – это меньшее препятствие вашей великой любви, чем... двухчасовой перелет?

Я почувствовала себя полной дурой. Обычно я обижалась на Джерома, когда он высмеивал мои приступы отчаяния, считая, что всему виной отсутствие у него чувства сострадания. Но сейчас была вынуждена признать: он верно подметил, что я устраиваю трагедию на пустом месте. Почему бы мне и правда не взять Сета с собой? Если он действительно меня любит, переезд не станет проблемой. Из всех способов заработать на жизнь, какие существуют в мире, Сет пользовался наиболее подходящим для смены местожительства. К несчастью, ситуация была сложнее. Я вздохнула.

– Не знаю, согласится ли он. У него здесь семья, и его невестка больна. Он не может оставить их прямо сейчас...

Джером пожал плечами.

– Мы снова вернулись к той теме, по поводу которой могу сказать только одно: мне насрать. Но я беспокоюсь вот о чем: тебе надо съездить туда поскорее. Луис просил, чтобы я прислал тебя на пару дней осмотреться накануне окончательного переезда. Тренировки по боулингу не начнутся раньше понедельника, и я думаю, ближайшие выходные – наилучшее время, чтобы проверить это дело. Я с радостью сделаю ему одолжение, но не в ущерб своей команде.

– Правда? – криво усмехнувшись, сказала я. – Ты рассчитываешь, что в свете всего этого я стану беспокоиться о боулинге?

Джером улыбнулся, не разжимая губ.

– Да, ведь ты остаешься в моем подчинении на ближайшие четыре недели. Учитывая это, надеюсь, ты сильно побеспокоишься об успехах в боулинге. – Он взглянул на Романа, который молча наблюдал за происходящим. – А от тебя я жду, что ты составишь для них самый лучший режим тренировок. Увидимся.

Джером растворился в облаке дыма, предоставив нам теряться в догадках: насколько он доволен всем происшедшим. Потерять меня – это для него не слишком удобно, но, думаю, он получил некоторое удовольствие от моих мучений, демон все-таки.

Я закрыла глаза и растянулась пластом на диване.

– О боже! Что мне делать? Этого не может быть.

В прошлом году мы с Сетом расстались, и мое сердце было разбито. Я хотела умереть. Когда мы снова сошлись, я почувствовала, будто родилась заново. Я полюбила жизнь, даже свою проклятую. А сейчас я снова начала чувствовать себя ужасно – болезненное отчаяние. Это невыносимо – испытывать такие резкие взлеты и падения, причем за столь короткий срок. Вот и влюбляйся после этого, подумала я.

Роман сел у меня в ногах. Через мгновение к нам присоединились обе кошки. Я открыла глаза, на меня в упор смотрели глаза цвета морской волны. Роман.

– Джером был не слишком тактичен, это верно. Но нельзя отрицать: кое в чем он прав. Разве Сет не может поехать с тобой?

– В обычной ситуации... – Я сделала паузу, чтобы не засмеяться. Наша ситуация никогда не была обычной. – В обычной ситуации он бы поехал. Но я же говорила... Андреа... Думаю, он не сможет. Честно говоря, я бы и сама не хотела, чтобы он ехал со мной. – Я сама не понимала, что это правда, пока не произнесла этих слов. Если Сет бросит все и сбежит со мной, он причинит боль своим родным, и ему самому будет несладко. И все из-за меня. Я этого не допущу. У меня упало сердце.

– Не могу в это поверить. Как все это случилось в один миг? Я была так счастлива.

Роман почесал головку Обри и откинулся назад.

– Хороший вопрос. Все действительно произошло внезапно. Так всегда бывает?

– Ну, вообще-то, нас никогда не предупреждают о переводах. Иногда мы в курсе, что готовится какая-нибудь реорганизация. Иногда сами просим о переводе. Обычно проходит собрание, решается твоя судьба, а ты узнаешь об этом позже. Странно только одно: Джером, похоже, знал о переводе меньше моего.

Роман смотрел в потолок, а потом откинул голову назад, чтобы посмотреть мне в глаза. Меня аж проняло, столько мощи было в его взгляде.

– Объясни мне еще раз, что произошло и что в этом необычного.

Я хотела было ответить, мол, уже все объяснила, но удержалась от резких замечаний, понимая: ведь не он причина моего раздражения.

– Обычно твой главный демон встречается с тобой и рассказывает все в деталях, а уже потом приходит письмо с подтверждением перевода. А в этот раз все случилось так быстро, что Джерому не представилось возможности поговорить со мной.

– Ад ничего не делает беспричинно, – заключил Роман. – Импровизированный турнир по боулингу не в счет. Но адская канцелярия, деловые бумаги и прочее содержатся в порядке. Даже если решение о переводе было принято внезапно, все равно должны соблюдаться положенные процедуры. Раз случилось так, что письмо пришло раньше, чем Джером получил инструкции, значит, дело велось в большой спешке. Встает вопрос: почему? Зачем понадобилось так срочно удалить тебя из Сиэтла?

Я не удержалась от улыбки.

– Ты ищешь тут какой-то тайный заговор. Не пойми меня неправильно, но я думаю, это чушь собачья. Ужасно, но, кажется, Джером прав и дело всего лишь в том, что я халаявила на работе. А это... это было моей ошибкой.

– Да, но разве в Аду служат только примерные работники? Там полно халаявщиков. Адской канцелярии приходится составлять кучи бумаг, чтобы придумать, как вести дела с такими горе-служаками. Отец, может, и прав, говоря, что в Аду не терпят посредственных работников. Но это не значит, что с ними начинают расправляться в ту же секунду. Есть в тебе нечто особенное, раз кто-то так сильно хочет отправить тебя из Сиэтла куда подальше.

Я была благодарна Роману за попытку помочь, но вовсе не хотела впутывать его в историю: разгадывание этого квеста легко могло превратиться в навязчивую идею. Титаны вечно соперничают и с Небесами, и с Адом. Они всегда ищут повод помериться силой с противниками или как-нибудь навредить им. Сам Роман однажды едва не погиб в столкновении со старшим бессмертным. Титан не желал довольствоваться ролью неудачника в этом мире и рассчитывал на нечто большее в том – такой уж у него характер. Правда, я сомневаюсь, что у него на самом деле был хоть малейший шанс.

Слова Картера эхом звучали в моей голове, хоть я и старалась их отогнать: *«Если есть причина, значит, ты делаешь нечто такое, чего Ад не хочет допустить»*.

– Поговори с Картером, – пробормотала я. – Он тоже уверен в наличии причины. – Роман смотрел на меня выжидательно; видя это, я попыталась свести все к шутке. – Понятия не имею, где собака зарыта. Может, я попала на удочку к Онерою? Или они считают меня ненадежной, или полагают, что здесь для меня неподходящее место.

Роман кивал в такт моим словам.

– Видишь, значит, ты все-таки особенная. Вот, к примеру, если бы я беспокоился о своем работнике, то постарался бы держать его там, где он чувствует себя уверенно. Я не сомневаюсь: в Аду знают, что ты здесь счастлива. Случись что, они посчитают это обстоятельство еще одной причиной, которая накрепко связывает тебя с Джеромом, и наверняка захотят еще укрепить твою преданность начальству.

– Аду нет нужды укреплять преданность, – сказала я. – Я и так отдала им свою душу. Чего уж больше. Больше их ничто не волнует.

По лицу Романа пробежала волна испуга.

– Это все, что их волнует. Джорджина, когда это случилось? Когда именно это случилось?

– Что? Письмо?

Глаза титана засветились фанатизмом. Без сомнения, его захватывала навязчивая идея.

– Да.

– Сегодня утром. Я была у Сета и проснулась, потому что почувствовала появление курьера.

– Ты была у Сета. Что ты делала в тот момент? Что ты делала прямо перед этим? – Роман перестал поглаживать Обри, и кошка, урча, подползла ко мне в поисках более отзывчивой аудитории. – Вспомни, что было до того, шаг за шагом.

– Ну, я уже сказала, что спала. А до того... – Я вздрогнула при воспоминании, как оказалась в постели с Яном. – Я познакомилась с мамой и младшим братом Сета. Перед этим я была у Питера на Ночи фондю, а до того работала в торговом центре...

– У Питера. Расскажи мне, что там было. С тобой не случилось ничего странного?

Я взглянула на него, как на сумасшедшего.

– Это была Ночь фондю в логове вампиров. Разве это само по себе не странно?

– Я пытаюсь тебе помочь! – Роман нагнулся ко мне и сказал очень резко и возбужденно: – Оставь шуточки, ладно? Думай. Что особенного произошло с тобой? О чем ты говорила? Что они тебе отвечали?

От настойчивости титана мне становилось не по себе.

– Они язвили насчет моей работы, – сказала я.

– И Джером тоже?

– Конечно. Он сказал: ему стыдно, что я работаю эльфом и, мол, займись-ка ты, детка, чем-нибудь другим. – В голову пришла шокирующая мысль. – Роман, ты же не думаешь, что это Джером попросил, чтобы меня перевели? Неужели он действительно так сильно недоволен мной? Так стыдится меня?

– Не знаю, – признался Роман и машинально провел рукой по курчавым темным волосам. – Это возможно. Некоторые странности могут быть объяснены, если предположить, что Джером инициировал все это и пытался пустить пыль в глаза. Но ведь и остальных твоих друзей не назовешь абсолютно нормальными. Если Джером настолько стыдится одного из своих сотрудников, что готов от него избавиться, легко предположить существование и других объяснений. Перед нами открывается море возможностей. Что-нибудь еще происходило?

– Я спросила их о... – я замялась. Тема оставалась для меня болезненной. Тяжело говорить об этом с Романом. Я вообще диву давалась, как решилась раскрыть карты перед всей честной компанией. Роман заметил мое замешательство и поднажал: – Что? Что еще? О чем ты их спрашивала?

Я выждала еще несколько мгновений и все-таки решилась сказать ему. Хуже не будет. Судя по всему, мое настоящее имя назвал Сету именно Роман.

– Примерно месяц назад мы с Сетом лежали в постели, и он в полусне назвал меня Летой. Когда я спросила, откуда ему известно мое имя, он не смог вспомнить. Он вообще не помнил, что называл меня так. Так вот, я спросила, не сообщил ли кто-нибудь из них мое имя Сету.

– И?

– И они все ответили: «Нет». Коди вообще не знал моего имени. Меня обругали за то, что я опять впадаю в мелодраму, и все пришли к заключению: мол, Сет случайно услышал имя от меня или кого-то другого и забыл об этом.

Роман молчал, от этого я только сильнее упала духом. Уж лучше бы он продолжал свой допрос с пристрастием. Я села и слегка подтолкнула его локтем.

– Эй, ты, что ли, сказал Сету, а?

– А? Нет. – Роман нахмурился, погрузившись в собственные мысли. – А что сказал Джером? Он согласился с этой теорией?

– Да. Он вообще посчитал, что говорить об этой истории – только время зря тратить, и не преминул сказать мне об этом. Ему было так скучно обсуждать это, что он перевел разговор на боулинг.

– Тогда-то он и сказал тебе о турнире по боулингу? И о команде, которая взялась из ниоткуда?

– Да... – Теперь сдвинула брови я. Было ясно, что мысли Романа унеслись в такую даль, куда мне не забраться. – И что? О чем ты думаешь? Какая тут связь?

– Не знаю, – наконец произнес Роман, потом встал и несколько раз прошелся по комнате туда-сюда. – Мне надо подумать, задать кое-кому пару вопросов. Ты что будешь делать?

Я встала и потянулась, почувствовав сильную усталость.

– Надо поговорить с Сетом. Я должна рассказать ему, что случилось. И полагаю... – Я поморщилась. – Если мне непременно нужно съездить в Лас-Вегас, то эти выходные – самое подходящее время.

– Чтобы не пропустить тренировку по боулингу? – съехидничал Роман.

– Да, и еще я в эти дни не работаю. Сет завязан на свою семью и из города ни на шаг, так что в этом смысле время тоже подходящее. Хотя... было бы неплохо, если бы он поехал со мной. Я о том, что, если он решится на переезд, то тоже мог бы осмотреться на месте. – И снова меня охватило беспокойство: как я смогу попросить Сета бросить Терри и Андреа?

– На самом деле, – сказал Роман без тени шутки, – я считаю, ему лучше не ехать.

– Это еще почему?

– А потому... Какова бы ни была причина, тут что-то неладно. Я не знаю, что ждет тебя в Лас-Вегасе. Может статься, ничего такого. Но все же, сдается мне, тут приложил руку кто-то очень серьезный, и для Сета будет безопаснее, если ты не станешь втягивать его в разборки бессмертных. – Потом Роман смягчился и добавил: – За тебя я не боюсь, ты справишься, но даже я не стал бы лезть в самое пекло – туда, где сплелись интересы бессмертных.

– Все будет хорошо, – ответила я, стараясь не обращать внимания на зловещие предсказания Романа. – Любое новое назначение – это тяжелое испытание, но придется смириться и радоваться, что с этим мне повезло. Я не говорю, что доверяю любому демону, но если меня на то вынуждают, Луис – наилучший вариант. Он классный, к тому же Вегас, ну, это Вегас. Как я уже сказала. Мне повезло.

Роман снова задумался.

– Да. Так и есть.

Поздно вечером я приехала в дом к брату Сета. Андреа сегодня опять была на процедурах и теперь крепко спала. Сет и Маргарет помогали по дому, делали что могли: приготовили ужин и присматривали за детьми. Я приехала почти одновременно с Терри, он вернулся домой после работы. Наше совместное появление было встречено бурей восторженных криков и бесконечным числом крепких объятий. Я подняла на руки Кайлу и поцеловала ее в щеку, а Терри спросил, почему у меня озадаченный вид.

– Где Ян?

Сет и Маргарет обменялись взглядами.

– У него дела, – сказала Маргарет без всякого выражения.

– Да, – подтвердил Сет, – он потрошит «иронические» районы Сиэтла.

Вот и вся помощь Яна семье. Наверняка он подцепил в кафетерии каких-нибудь дружков хипстеров и теперь развлекается с ними – потягивает пиво и забавляет новых приятелей историями обо всех мелких и мельчайших джаз-бандах, которые ему известны.

Терри добродушно улыбнулся.

– Что ж, он много потерял, ужин пахнет отлично. Нам больше достанется. – Отец покружил Кендалл и расцеловал остальных дочек, а потом поднялся наверх проводить Андреа. У меня комок стоял в горле, когда я наблюдала за ним. Он так мужественно держался перед детьми, хотя, я знаю, у самого сердце разрывалось. Мои собственные мелкие огорчения выглядели на этом фоне воистину ничтожными, ничего не значащими.

Как бы то ни было, известие о переводе лежало на душе тяжким бременем на протяжении всего ужина. Я хотела дожидаться момента, когда мы с Сетом окажемся наедине у него дома, но, похоже, у меня на лице все было написано.

– Эй, – мягко сказал Сет, обнимая меня рукой за талию. Семья перебралась в гостиную, все собрались смотреть какой-то фильм, а мы с Сетом остановились в дверях кухни. – Что-то

случилось? – Я замешкалась: стоит ли говорить ему все здесь? Почувствовав мое смятение, Сет завёл меня обратно на кухню. – Тетис, рассказывай.

– У меня плохие новости, – начала я. Я пыталась придумать, как преподнести ему горькую правду легко и ненавязчиво, но ничего путного на ум не приходило. И тогда я просто выпалила все сразу, объяснила, куда меня отправляют, и добавила, что отменить перевод нельзя.

– Лас-Вегас, – уныло протянул Сет; вид у него при этом был, будто он получил пощечину. – Ты уезжаешь в Лас-Вегас.

– Не на месяц, – сказала я и, взяв Сета за руки, хлопнула его ладонями. – Поверь, я совсем туда не хочу. Боже, Сет. Я не могу в это поверить. Мне очень, очень жаль, что так вышло, прости.

– Ты тут ни при чем, и нечего извиняться. – Сет притянул меня к себе. Его лицо выражало такую доброту и сочувствие, что я чуть не заплакала. – Ты не виновата. И тебе не за что просить прощения.

Я покачала головой.

– Знаю, но... это просто какое-то безумие. Я думала, вот он – наш шанс быть вместе, а теперь не знаю, что делать. Я не могу просить тебя...

– О чем?

Я прислонила голову к его груди.

– Поехать со мной.

Сет немного помолчал.

– А они мне позволят? Я всегда думал... ну, когда ты рассказывала о своем прошлом, создавалось впечатление, что ты будто заново создала себя. Новое имя, другая внешность. Я думал, тебе приходилось оставлять прошлое позади.

– Приходилось, но это всегда был мой выбор. С тобой... я, конечно, этого не сделаю. Я останусь Джорджиной Кинкейд, которую ты знаешь. Но ты не можешь бросить их. – Я махнула рукой в сторону гостиной. – Это не стоит того.

Сет обхватил руками мою голову и отклонил ее назад так, чтобы я смотрела ему прямо в глаза.

– Джорджина, – тихо сказал он. – Я люблю тебя. Ты этого стоишь. Ты для меня все, и я отправлюсь за тобой хоть на край света, и даже дальше.

– Это ни к чему, – грустно улыбнулась я. – Я не все. Их ты тоже любишь. И ты возненавидишь себя, если сбежишь со мной, когда они в тебе так нуждаются.

– Так что? Ты сделала выбор за меня? – спросил Сет. В его голосе звучали игривые нотки, несмотря на полную серьезность вопроса. – Мы расстаемся?

– Нет! Конечно нет! Я только... я только хочу, чтобы ты знал: я не заставляю тебя ехать со мной. Хочу ли я быть с тобой? Да, конечно. Но твои родные мне тоже дороги. Я люблю их всех. Мое счастье... – Странно было произносить эти слова: «Мое счастье». Я так долго была несчастлива. Долгие годы я даже не думала, что для меня возможно это состояние. – Моё счастье не стоит их благополучия.

Сет наклонился и прошептал, касаясь губами моей щеки:

– А как насчет моего?

Я смотрела на него в изумленном восхищении.

– Ты готов бросить их и сбежать в Лас-Вегас?

– Нет, – твердо ответил Сет. – Я их никогда не брошу. Но есть середина между двумя крайностями, способ не приносить нас им в жертву. Мы должны его найти. Наши отношения очень важны. Не ставь на них крест, ладно?

Я обняла Сета, растворившись в сладости его тепла и запаха. От его слов на сердце стало немного легче, но я пока не решалась надеяться на лучшее. Слишком многое было поставлено на кон, слишком многое еще могло пойти не так.

– Я люблю тебя, – сказала я.

– Я тебя тоже. – Сет сжал меня крепко-крепко и еще раз поцеловал, а потом отпустил. – А теперь пойдем посмотрим фильм, прикинемся, что поддерживаем компанию, чтобы уйти пораньше.

– Зачем?

– Раз в эти выходные ты собираешься в Вегас, я хочу, чтобы сегодня вечером ты осталась у меня и мы с толком провели время.

Я ухмыльнулась и положила руку на плечо Сета.

– Означает ли «с толком провести время» то, о чем я подумала?

– Да, – сказал он, и мы пошли в гостиную, – означает.

– Но ты же знаешь, это против правил.

– Против придуманных тобой правил, – заметил Сет.

– Придуманных для твоего блага, – поправила я. – Еще не время. Не забывай, мы должны себя ограничивать.

Так мы договорились, когда снова стали жить вместе. Напряженность в отношениях возникла из-за того, что мы придерживались платонической диеты. На этот раз я согласилась, что немного секса нам не повредит... хотя всякий раз меня корбило от мысли, что каждое соитие, пусть даже совсем непродолжительное, уносит часть жизни Сета. Он говорил: мол, его это совсем не беспокоит и он готов на любой риск, чтобы быть со мной. Я все равно переживала, и Сет согласился на то, чтобы я составила расписание нашей сексуальной жизни. Но поможет ли это в нашей ситуации? Полной уверенности не было, но внутренний голос подсказывал, что мы можем заниматься любовью не чаще чем раз в несколько месяцев. Сету я этого, правда, не сообщила. С прошлого раза – и единственного с тех пор, как воссоединились суккуб и смертный, – прошел всего месяц, но я чувствовала – Сет испытывает напряжение. Ему было особенно тяжело, потому что он понимал мои опасения и уважал мои чувства, но в то же время не считал необходимыми такие предосторожности, раз опасность грозит только ему, а опасности этой он не придавал значения.

– Не сегодня, – продолжила я.

– Но сегодня особый случай, – говорил Сет, – большие проводы.

– Я же не сказала, что мы не можем делать ничего, – отозвалась я. – Просто не так много, как ты хочешь. – Со времен целомудренности нам досталось в наследство несколько приемов, которые в основном состояли в том, чтобы оставлять при себе то, что мы не могли выпустить друг в друга. – Вопрос в том, не создадут ли нам проблем твои гости?

– Нет, если мы не будем шуметь, – сказал Сет. Помолчав немного, он добавил: – Забудь об этом. Мне все равно. Пусть слышат.

Я усмехнулась.

– О, да. Чтобы твоя матушка ворвалась в дверь с бейсбольной битой.

– Не беспокойся, – сказал Сет и поцеловал меня в щеку. – Она не соперница тебе и тому словарю.

Глава 6

К счастью, ни биты, ни словари в дело пущены не были, и мы с Сетом провели вместе волшебную ночь. Он провожал меня на выходные в хорошем настроении, и, пока мы были вместе, казалось, все может кончиться хорошо. Но как только я осталась одна и началась унылая часть моего путешествия, сомнения вернулись.

Поездка в аэропорт, досмотр, инструктаж по безопасности... Все эти маленькие, само собой разумеющиеся формальности накладывались одна на другую, и я все меньше верила в возможность приезда Сета в Лас-Вегас, по крайней мере в ближайшее время. Оставалось поддерживать связь на расстоянии, но представить, что мы будем совершать такие поездки каждый... черт, я не знала, как часто. Это стало еще одной проблемой. Что на самом деле означает «поддерживать связь на расстоянии»? Встречаться каждую неделю? Месяц? Слишком частые поездки неизбежно вызовут утомление и раздражение. Слишком редкие создают опасность охлаждения чувств: с глаз долой – из сердца вон.

Такие мысли занимали меня все время до посадки в Лас-Вегасе. Странно, но меня утешали воспоминания о том, что говорил Джером. Если уж мы с Сетом одолели препятствия, которые встают на пути сближения смертного с бессмертным, что в сравнении с этим двухчасовой перелет?

Мы с этим справимся. Должны справиться.

– Вот она!

Раздался знакомый рокошующий голос, пока я ждала багаж. Вздвогнув от испуга, я обернулась и увидела загорелого красавца Луиса, главного демона Лас-Вегаса. Я утонула в его широких объятиях; надо признать, он обнял меня с отменной деликатностью, хоть и обладал медвежьей силой.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, когда мускулистые руки ослабили хватку. И тут меня осенило: – Ты ведь не за мной приехал? Разве у тебя нет людей, у которых есть люди, которые выполняют такие поручения?

Луис осклабился, сверкнув темными глазами.

– Само собой, но я не мог доверять мелким сошкам встречать моего любимого суккуба.

– Ой, стой, – вскрикнула я. Моя сумка проехала мимо на карусели. Я рванулась к ней, но Луис отстранил меня и легко подхватил мой багаж. Мы пошли на стоянку, а я все пыталась вообразить Джерома в такой роли. Не получалось.

– Ты смеешься, а мне до смерти надоели все здешние суккубы. И большинство прочих адских наймитов тоже, – говорил Луис. – Полный набор разномастных личностей, по своему одаренных, ординарных и исключительных. Ты, дорогуша, относишься к разряду исключительных.

– Не стоит соблазнять меня новым местом работы, – сказала я, улыбаясь помимо воли. – У меня все равно нет выбора.

– Верно, – согласился Луис. – Но я хочу, чтобы ты была здесь счастлива. Пусть каждый, кто на меня работает, потом рассказывает, какой я обалденный. Вот мое желание. Это повысит мой рейтинг на ежегодной конференции.

– Джером пытается поднять своей победой в боулинг над командой Нанетт.

Луис рассмеялся и подвел меня к небрежно припаркованному за краем стоянки блестящему черному «Ягуару». Он закинул в багажник мою сумку и дошел до того, что открыл для меня дверцу машины. Прежде чем тронуться, Луис заговорщицки склонился ко мне и громко прошептал:

– Если хочешь переодеться, пока мы в машине – самое время.

– Переодеться во что?

Он пожал плечами.

– Ты же в Вегасе. Вживайся в образ. К черту джинсы и шлепанцы. Надень что-нибудь для коктейля, секвинс, платье с корсетом. В общем, смотри на меня.

Величественным жестом Луис указал на себя самого, как будто без этого на его эффектный, явно сшитый на заказ в Италии костюм можно было не обратить внимания.

– Но еще нет и полудня, – заметила я.

– Не имеет значения. Я одеваюсь так, как только встаю с постели.

Оглянувшись на стоявшие рядом машины, я быстро переоделась из дорожной одежды в маленькое платье на одной бретельке, которое обтянуло меня, как греческая сорочка. Ткань отливала серебром, когда на нее под определенным углом падал свет. С ней дивно сочетались мои длинные светло-каштановые волосы. Луис одобритительно кивнул.

– Теперь ты готова к «Белладжио».

– «Белладжио»? – удивленно спросила я. – Я думала, меня запихнут в какой-нибудь дешевый мотель милях в десяти от Стрипа. – Я посчитала нелишним сделать макияж поярче.

– Ну, – сказал Луис, выезжая со стоянки, – обычно, когда прибывает новичок, выделенных на прием денег только на это и хватает. Мне удалось выбить кое-какие дополнительные средства, потом я пошуршал в своих карманах, чтобы тебя побаловать.

– Не надо было этого делать, – воскликнула я. – Я могла бы и сама заплатить за комнату. – Говоря это, я прекрасно понимала: если уж мне за долгие годы стало легко получать финансирование, то Луису с его сроком службы сделать это в миллион раз легче. Машина и костюм, вероятно, были приобретены на карманные деньги от его доходов. Он развеял мои сомнения.

– Это ерунда. Кроме того, мою машину тут же угонят, стоит припарковать ее у какого-нибудь малобюджетного стойла.

Датчик в машине показывал, что температура за бортом не сильно отличалась от той, что бывает в декабре в Сиэтле. Разница была в свете.

– О, боже, – воскликнула я, прищурившись глядя в окно. – Я два месяца не видела солнца.

Луис тихо посмеивался.

– Подожди лета, когда температура поднимется до трехзначных чисел. Большинство людишек варятся заживо, но тебе это понравится. Жара и сушь. По ночам не меньше восьмидесяти градусов³.

Я любила Сиэтл. Даже если бы на горизонте не появился Сет, я могла быть там счастлива долгие годы. Но, должна признаться, единственной неприятностью для меня была погода. В сравнении с крайностями Восточного побережья, климат в Сиэтле мягкий и приятный для проживания. Но это означает – ни то ни се. Не слишком холодно, не слишком жарко. Жара наступала только в середине лета и быстро проходила, мягкость зимы портили дожди и постоянная облачность. К февралю я обычно была готова пачками глотать витамин D. Я выросла на пляжах Средиземноморья, и мне их по-прежнему не хватало.

– Это здорово, – сказала я. – Лучше бы я приехала в более теплое время.

– О, тебе не придется долго ждать, – заверил Луис. – Еще месяц, и температура начнет расти. В марте можешь доставать бикини. – Я подумала, что это явное преувеличение, но на его слова ответила улыбкой.

Мы приближались к великолепному Стрипу. Дома становились все более роскошными и дорогими на вид. На тротуарах и боковых улицах прибавлялось народу. Рекламные щиты

³ 80 градусов по шкале Фаренгейта, принятой в США, это примерно 27 градусов по шкале Цельсия, используемой в России и других странах.

предлагали все виды увеселений, какие только можно вообразить. Это было похоже на парк развлечений для взрослых.

– Тебе тут, похоже, неплохо живется, – сказала я.

– Еще бы, – согласился Луис. – Мне повезло. Место отличное, к тому же у меня под началом одна из самых многочисленных в мире групп служителей Ада. Когда я увидел в списке твое имя, то решил: я должен ее заполнить.

От его слов на розовых очках, сквозь которые я таращилась на ослепительные виды, появилась трещинка.

– Когда пришло мое имя?

– Мы ведь постоянно получаем письма о переводах, новых вакансиях и прочем. Когда я прочитал, что тебя переводят из Сиэтла, тут же закинул удочку.

Я отвернулась к боковому окну, чтобы Луис не видел моего лица.

– Давно это было?

– Не знаю. Довольно давно. – Он добродушно рассмеялся. – Ты знаешь, как долго все это тянется.

– Да уж, – сказала я, стараясь не показать волнения, – знаю.

Именно об этом говорили мы с Романом: Ад очень скрупулезен в принятии решений относительно персонала. Роман уверял, что обстоятельства, при которых было принято решение о моем переводе, вызывают подозрения: похоже, все происходило в спешке. А Луис вел себя так, будто все идет как положено, с соблюдением всех формальностей. Возможно ли, чтобы с извещением Джерома о моем переводе произошла какая-то накладка?

Имелась вероятность, и я это знала, что Луис врет. Верить в это не хотелось, но ведь ясно: каким бы дружелюбным и обаятельным он ни казался, он демон и останется им до скончания веков. Доверять ему полностью не стоит; да не усыпят его чары мою бдительность. В нашей компании бытовало одно выражение, которое все очень любили: «Как определить, врет ли демон? У него двигаются губы».

– Я вообще удивилась, что меня вдруг перевели, – сказала я. – Я была счастлива в Сиэтле. Джером говорит... ну, он говорит, это потому, что я халевщица.

Луис хмыкнул и свернул к «Белладжио».

– Так и сказал, да? Не кори себя, милая. Если хочешь знать причину, почему тебя вышибли, моя версия такова: это как-то связано с вызовом Джерома в суд и тем, что он позволил титанам и созданиям сновидений безобразно обращаться с его суккубами.

На это мне нечего было ответить, но, к счастью, мы подъехали ко входу в отель и отдали машину на попечение гостиничному водителю, который, видимо, был знаком с Луисом и его щедрыми чаевыми. Многие люди, входившие в отель и выходившие из него, были одеты так же ярко, как мы, но было немало и вполне заурядных субъектов. Это была смесь всех культур и социальных слоев; собравшихся здесь людей объединяло одно – поиск удовольствий.

Не менее ошеломительной была и волна человеческих эмоций. Я не обладаю магической силой «видеть» эмоции, но очень хорошо читаю выражения лиц. Тот же навык помогал мне вычислять отчаявшихся и потерявших надежду в торговом центре. Здесь наблюдалось то же самое, только в сотню раз интенсивнее. Люди испытывали полную гамму эмоций, радостных надежд и возбуждения. Одни радовались и сгорали от нетерпения, торжествовали победу или были готовы поставить на карту все, чтобы ее добиться. Другие уже совершили попытку и проиграли. На их лицах лежала печать отчаяния, неверия в то, что это случилось с ними, и печали из-за того, что они не способны справиться с ситуацией.

Добрые приметы тоже бросались в глаза. Некоторые молодцы так откровенно просились на крючок, что я могла бы цеплять без всяких усилий тут и там. Другие представляли собой идеальную приманку для суккуба: эти ребята приходили сюда, дав зарок не сбиться с пути, но стоило их поманить, и они поддавались любому искушению. Хоть сердце мое и

было накрепко привязано к Сету, я не могла удержаться от трепета, чувствуя на себе столько восторженных взглядов. Я даже порадовалась тому, что приняла предложение Луиса и переоделась.

– Так просто, – буркнула я себе под нос, оглядываясь вокруг, пока мы ждали лифта. – Они все, как...

– Скот? – предположил Луис.

Я скривилась.

– Это не совсем то слово.

– Невелика разница.

Двери лифта открылись, и миловидный молодой человек лет двадцати с хвостиком жестом предложил мне войти. Я победоносно улыбнулась ему, наслаждаясь производимым мною эффектом. Когда наш попутчик вышел, Луис подмигнул мне, а потом наклонился и прошептал прямо в ухо:

– Так легко к этому привыкнуть, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.